Задонский паломник

ПРАВОСЛАВНЫЙ АЛЬМАНАХ ЗАДОНСКОГО РОЖДЕСТВО-БОГОРОДИЦКОГО МУЖСКОГО МОНАСТЫРЯ

№ 76 2010 год

Альманах издается по благословению Его Преосвященства Преосвященнейшего Никона, епископа Липецкого и Елецкого

Выходит с декабря 2000 г.

Учредитель:
Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь Липецко-Елецкой епархии Русской Православной Церкви

Адрес редакции:
399200, Липецкая обл., г. Задонск, ул. Коммуны, 14.
Телефон: (47471) 2-49-55

При перепечатке ссылка на «Задонский паломник» обязательна

Тираж: 5 000 экз.
Цена свободная.

Просьба не использовать издание в хозяйственных целях

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство:
ПИ №ФС77-21446
от 01 июля 2005 г.

Оставь любопытствовать, что делается в том или другом месте; озаботься узнать, при помощи слова Божия, что делается в душе твоей, к какой ты идешь окончательной цели, к погибели или ко спасению, на каком пути ты находишься, на пути ли праведных или на пути нечестивых?

Святитель Тихон Задонский

СОДЕРЖАНИЕ:

2 **«О, РОДЕ НЕВЕРНЫЙ И РАЗВРАЩЕННЫЙ»**
Проповедь епископа Липецкого и Елецкого Никона

4 **НАСЛЕДИЕ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА ЗАДОНСКОГО**
Келейные письма. Письмо шестнадцатое

6 **ТОЛКОВАНИЕ НА ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАТФЕЯ**
Избранные главы

8 **ИСТОРИЯ ОДНОГО ПОРТРЕТА**
К иконографии святителя Тихона Задонского

11 **ЧЕЛОВЕК БОЖИЙ**
Из воспоминаний о схиархимандрите Виталии

16 **ХРИСТИАНАМ О ХРИСТИАНСТВЕ**
Из бесед с кавказским пустынником
«Об избавлении от злопамятности», ч. 4

18 **ПРИНЯВШАЯ СМЕРТЬ ЗА ВЕРУ ХРИСТОВУ**

20 **ХРИСТИАНСКАЯ НРАВСТВЕННОСТЬ В РАСКРЫТИИ СВТ. ТИХОНА ЗАДОНСКОГО**
Иеромонах Николай (Павлык), ч. 6

22 **УДИВИТЕЛЬНЫЙ СТАРЕЦ ИЕРОСХИМОНАХ АЛЕКСИЙ**

25 **ИНОЧЕСКИЕ БЕСЕДЫ**, ч. 3

28 **ЗА СТАРЦЕМ НЕ ПРОПАДЕШЬ**
Рассказ. В. Н. Лялин

31 **ХРИСТИАНСКАЯ ПОЭЗИЯ**

32 **СОМНЕНИЕ**
Детская страничка

"О, роде неверный и развращенный"

Проповедь епископа Липецкого и Елецкого Никона.

Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь. 16 августа 2009 г.

В сегодняшнем Евангельском чтении Господь сказал: *«О, роде неверный и развращенный, доколе буду с вами; доколе терплю вам»* (Мф. 17, 17). Он говорил о тех людях, которые Его сопровождали, ходили за Ним, слушали Его. И в лице этих людей, конечно, Он говорил всем нам, потому что во все времена большинство людей отвергало веру.

Господь наш Иисус Христос, когда ходил по земле, проповедуя Царство Божие, совершал великие чудеса. Сколько примеров в Евангелии подает нам, чтобы мы веровали и укреплялись в вере. Но куда пропадает наша вера? У нас появляется неверие, недоверие, сомнение: а действительно ли все это от Бога? Суета житейская поглощает нас... И что сказать о нас: *«О, роде лукавый, неверный»*.

А в чем должна быть наша верность? Как мы должны верить в Бога? Все вокруг — и сама природа говорит о том, что все должно умереть, родиться и воскреснуть, в том числе и человек. Мы рождаемся, чтобы умереть и воскреснуть для жизни вечной. *«Иже бо аще хощет душу свою спасти, погубит ю: и иже аще погубит душу свою Мене ради, обрящет ю: кая бо польза человеку, аще мир весь приобрящет, душу же свою отщетит; или что даст человек измену за душу свою»* (Мф. 16, 25-26), — говорит Спаситель. Вера в том и состоит, чтобы здесь, на земле, мы полностью отдали себя Богу и получили обетованное Царство Небесное. Мы должны верить, что Господь может нам помочь, исцелить, привести нас ко спасению.

Да, есть люди, которые достигают и звания, и положения, и материальных благ, но счастья от этого они не имеют. Они его даже не знают! Настоящее счастье может быть только в Боге,

ибо Бог — сама Любовь, само блаженство. В соединении души с Богом приходит неземное блаженство: и чем больше человек кается, стараясь исполнить все заповеди Божии, смиряется, тем меньше его безпокоют земные неурядицы и скорби. Лучше жить в нищете, но быть счастливым. И сколько мы имеем примеров из жизни святых: полная преданность Богу обращала все их скорби во благо. Они умели жить и в скудости, и в изобилии.

Мы же все колеблемся в вере, сомневаемся, поэтому и не получаем духовных благ и не исцеляемся от своих недугов.

В сегодняшнем Евангельском чтении мы слышали, что когда ученики спросили Иисуса Христа: «Почто мы не возмогохом изгнати» беса из болящего отрока?», Он ответил: *«За неверствие ваше»*, и *«Сей же род не исходит, токмо молитвою и постом»* (см. Мф. 17, 14-21). Вот здесь Спаситель и раскрывает значение веры, молитвы и поста для всех православных христиан. Беснование — это, в первую очередь, духовный недуг, а потом и телесный, потому что бесноватый страдает и телом. Самый главный духовный недуг — неверие Богу, неверие Божиему Слову, неверие в загробный мир, неверие в благодать и прощение грехов, дарованную нам Иисусом Христом Своею смертью за нас и тридневным Его воскресением. Неверующие все в той или иной степени подвержены действию нечистой силы. Они не видят своих страстей, которым порабощены. Они всё воспринимают только со своей точки зрения, а может быть, и совсем не воспринимают — становятся безразличными, инертными и не хотят ничего видеть, знать и слышать. Недаром Господь сказал о таких, что, имея уши слышать — не слышат, имея очи видеть — не видят, потому что жестоковыйные и горды и никто из них не хочет поклониться Богу.

Духовных недугов много, и со всеми мы должны непрестанно бороться, чтобы не быть в зависимости от сатаны. Как

бороться? Что Господь сначала ответил ученикам на вопрос об изгнании беса? *«За неверствие ваше: аминь бо глаголю вам: аще имате веру яко зерно горушно, речете горе сей: прейди отсюду тамо, и прейдет: и ничтоже невозможно будет вам»*. Значит, сначала вера! Вера, что Бог всё может, что с помощью Божией можно преодолеть все мыслимые и немыслимые трудности. Но не только веры требует от нас Спаситель, но и нашего труда: *«Сей же род не исходит, токмо молитвою и постом»*. Нужна молитва, чтобы мы постоянно обращались к Богу, каялись и просили о помощи. Нужен и пост, чтобы мы добровольно воздерживались не только в пищи и питии, но и во всем, что может привести ко греху, чтобы мы умеряли свои пороки и страсти, чтобы любили и помогали ближним... Это все нужно, чтобы мы были здравы и могли бы бороться с своими недугами.

Но когда мы оставляем молитву и пост, слабеет, а затем и вовсе умаляется наша вера, и через некоторое время мы замечаем, что что-то такое с нами происходит. У нас внутри появляются совсем другие взгляды на людей, на все окружающее, на свою жизнь. Ощущаем внутренний дискомфорт. Мы начинаем ссылаться на то, что нас окружают такие люди, которые не дают нам нормально жить, или ссылаемся на то, что кто-то нас обидел или пошел против нас. А в действительности, мы сами виноваты, потому что дали возможность обладать нами этому лукавому духу. И если мы не противимся ему, то все более и более усугубляем свое внутреннее состояние. Болит душа, тоска, нам все кругом неприятно, немило, все кругом вредно. Попадается под руку кто-то из близких, мы начинаем обижать его, может быть, и не понимая, что не окружающие виновники нашего дискомфорта, нашего плохого состояния и самочувствия, а мы сами.

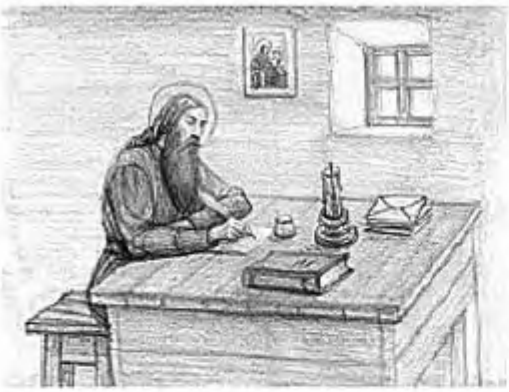
И за наше неверие Господь так и сказал: *«О, роде неверный и развращенный, доколе буду с вами: доколе терплю вам»*. Сколько Ему еще терпеть нас? А Господь всегда тут, с нами. Он эти слова и сейчас, если был бы в плоти, тоже бы сказал. Потому что мы отошли от Бога, увлеклись приманками мира сего и стремимся вкусить все те сладости, которые дает нам мир. От этих

удовольствий мы, конечно, не хотим терпеть те или иные трудности. Мы не хотим соблюдать святые посты, молиться и совершать добрые христианские дела. Потому что нам очень легко — техника есть, сколько фильмов, игр и забав. И мы поем и пляшем. Пока финансовая подпитка — мы живем. Но придет обвал, как сейчас многие говорят, «кризис». Но это не экономический кризис, а кризис нашей души! Это смерть духовная!

Когда человек ранен, он в скорби своей очень близок бывает к Богу. Когда человек голоден, он тем более взывает ко Господу. Когда человек обижен и не устроен в жизни, тогда он стремится к Богу, чтоб Господь помог ему. В скорби человек молится всем сердцем, часто со слезами и болью в душе. А когда мы живем в изобилии, хорошо устроены и обезпечены, наша молитва уже не та. Мы часто просто механически молимся и привыкаем к такой молитве. Мы зовем Бога устами, а сердце наше — в мире, с его соблазнами и наслаждениями...

Мы можем сказать, что Господь жесток по отношению к нам. Но, когда вы видите, что ваш ребенок в опасности, что делаете? Вы его учите, наказываете, наставляете его. Когда он хочет что-то запрещенное ему, вы не даете, хоть он и плачет, но вы утешаете его. Хорошие родители всегда стараются воспитывать в своих детях уважение к себе, послушание, чтобы легче было направлять их на правильный путь в жизни. Так и Господь с нами, как с малыми детьми, нянчится, где-то наказывает, где-то утешает. В мире часто происходят большие бедствия и катаклизмы, но что делать, если так ожесточились в неверии души наши, что только скорбями, большими скорбями мы, может быть, вразумимся и придем к Богу.

Как богач, находясь в аду в сильных муках, увидев Авраама и Лазаря на лоне его, просил: *«Отче Аврааме, помилуй мя и посли Лазаря, да омочит конец перста своего в воде и остудит язык мой, яко стражду во пламени сем»* (Лк. 16, 24). И вот Господь не хочет, чтобы мы жаждали, чтобы мы были в огне, в страданиях, чтобы мы попали к врагам нашим — диаволу и ангелам его. Спаситель хочет, чтобы мы жили с Ним, жили с Ангелами светлыми, чтобы мы наслаждались в вечном Его рае. Но там будут те, кто любит Господа, кто потрудившись еще здесь, на земле, постом, молитвою и добрым деланием, наследуют обители Небесные от Создания мира. Аминь.



Святитель Тихон Задонский

Келейные письма

Письмо шестнадцатое

В том ли ты сомневаешься, что тот христианин, который во зле живет, не верит Слову Божию? Отвечаю тебе: воистину так и есть, воистину нет надлежащей в нем веры.

Примечай и рассмотри следующее:

1) Кто дерзнет пред царем безчинствовать, если видит его пред собой? Тем более дерзнул ли бы христианин грешить и закон Божий нарушать, когда бы точно верил, что Бог с ним есть, Который, как Слово Божие учит, на всяком месте есть и все видит, даже самое тайное помышление, начинание, намерение, а не только явное дело. Не всегда ли трепетал бы и от всякого зла уклонялся, из-за присутствия Божия, чтобы присутствующего Бога не прогневать? Но, ослепленный, не видит того, не помышляет. Пред царем земным, человеком, трепещет; пред Богом ли, Царем Небесным и страшным, Который и самим царям страшен, не будет трепетать, если верою видит Его пред собой?

2) Сам ты знаешь, как приготовляется человек, вызываемый на суд человеческий, где много может хитрость, красноречие, золото, серебро и предстательство, — обдумывает, как бы не посрамиться и временной казни не подпасть. К суду ли Христову, где Судия — Бог, Который всякое наше дело, слово и помышление знает и судит по делам, а не по лицам, и никакого извинения и предстательства и даров не приемлет, не старался ли бы приготовляться покаянием, сокрушением сердца, удалением от всякого зла, воздыханием и усердной молитвой, что одно только Сего Судию умилостивляет, если бы истинно и действительно верил тому? Тем более, что Суд сей Страшный неожиданно настанет, как Слово Божие учит.

Боится человеческого суда, от которого и виноватые часто правыми отходят и который только временной предает казни, — не будет ли трепетать Божия суда, от которого виноватые виноватыми отходят и вечной предаются казни? Невозможно сие, если верит.

3) Временной казни и смерти боится человек и избегает таких дел, которые по гражданским законам смертной казни подлежат, ибо видит казнь на прочих. Вечной ли казни, муки, огня и прочего горчайшего страдания адского, в котором грешники без конца будут мучиться, не ужасался бы, если бы точно верил Слову Божию, которое о том возвещает, и от всякого греха, который к вечному мучению приводит, не уклонялся ли, не плакал бы, не творил бы истинного покаяния, чтобы того мучения избегнуть? Временной смерти боится; вечной ли не будет бояться, если верит? Не может такого быть.

4) Христос Господь говорит: *Если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный, а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших* (Мф. 6, 14-15). Если верит христианин сказавшему эти слова Христу, как всякому христианину должно верить, то почему же на ближнего, оскорбившего его, злобится? Почему или словом, или делом мстит? Почему не прощает от сердца, чтобы и его самого простил Господь? Слово Христово истинно и не преходяще: прощающему простится, и непрощающему не простится. А если не простится, что оттуда следует? Не иное что, как только то, что за все грехи, делом, словом и помышлением соделанные, будет страдать во огне вечном и правде Божией платить.

5) Также, если христианин верит, что подающему нищим и бедным ради имени Христова *воздастся в воскресение праведных* (Лк. 14, 14), почему не делает милости им, особенно, когда сие Христос Себе вменяет (Мф. 25, 40, 45)?

6) Также, если верит христианин, что будет вечная жизнь, блаженство и слава вечная благочестиво живущим во Христе, то почему того усердно не ищет? Почему славы, чести и богатства в мире этом ищет? Почему мир этот за отечество имеет? Как люди стараются, сколько трудов полагают, чтобы богатство собрать! В какие подвиги вдаются воины, чтобы чин временный заслужить! Сколько работают и потеют земледельцы, чтобы плоды собрать! Какая тому причина? — Причина в том, что видят, ради чего трудятся и надеются получить то, ради чего трудятся. Знание будущего и желаемого ими добра предшествует надежде, а надежда поощряет их ко всякому труду, чтобы получить то, что знают и надеются получить, хотя часто и обманывает

их такая надежда. Ибо не все человек получает, чего ищет.

Смотри, что сыны века сего делают, примечай, как сокровищ своих желаемых ищут. Ничто им не тяжко. Всякую неудобность, беду и скорбь приключающуюся преодолевают, взирая на желаемое свое сокровище.

Христианин, когда точно уверится в вечной жизни и несказанной славе небесной, не оставит ли все сокровища мира сего, всю мира сего славу, честь, богатство, плотоугодие и к тому единому сокровищу не будет ли стремиться? Не понесет ли трудов и подвигов, чтобы вечную жизнь и славу получить? Не пойдет ли тесным и прискорбным путем, чтобы вечной жизни и славы достичь, куда только тесным путем доходят и *многими скорбями* (Мф. 7, 14; Деян. 14, 22; 2 Тим. 3, 12 и на прочих местах)? Временное сокровище так усердно ищет человек, которое вскоре оставит, — ищет, потому что видит его. Вечного ли сокровища, словом несказанного и умом непостижимого, которое, если отыскать, то никогда не потеряется, — не будет ли усердно и прилежно искать и все терпеть, чтобы того не лишиться, когда верою увидит его? Быть тому невозможно.

Поверь, возлюбленный, что человек весь век страдать захотел бы, если бы нужда была, только бы вечного блаженства не лишиться, если бы хоть частицу его увидел. Так оно велико, так красиво, так сладко! Оно различно от Духа Святого в Писании Святом описывается и в пользу и утешение наше представляется нам, дабы мы усердно его искали и благодатью Его получили. Итак, кто Слову Божию верит и в нем открытое то блаженство оком веры видит, тот непременно, все мирское сокровище оставив, того единого усердно ищет.

7) Если бы кто тебя от временного бедствия и смерти избавил и избавил бы не чем иным, как своим бедствием и страданием добровольным, скажи, пожалуйста, как бы ты его любил, почитал имя его, как благодетеля своего, везде с любовью и почтением поминал? Не все ли бы ты делал, что он хочет? Безспорна эта истина. Если же веруешь, что Христос Сын Божий от бедствия и смерти, не временной, но вечной избавил, и избавил не серебром или золотом или иною какой тленной вещью, но страданием, Кровью и смертью Своей, и отворил тебе небесное вечное Царствие, то как не будешь Его, столь высокого и великого Благодетеля, любить, почитать, благодарить от всего сердца и во всем Ему угождать? Как не будешь усердно и с любовью Ему послушание оказывать? Малого благодетеля-человека, которому ты чем-то временным обязан, любишь и высоко почитаешь — как же не будешь Того, Которому навечно ты обязан, любить и почитать?

Но где любовь, где почитание, где благодарность ко Христу у грешника? Разве что на словах. Это не почитание и не любовь, но лицемерие. Многие христиане устами говорят: почитаем Тебя, Христе, поклоняемся, поем и славим, — но делами иное показывают. Устами почитают, поют и славят, но беззаконными делами бесчестят. Многие христиане не жалеют на приданое дочерям, на богатые столы, дома, коней, кареты, псовую охоту и прочую суету много средств расходовать, но ради имени Христова или ничего или копейку подают. Ради временного благодетеля-человека все творят, всякое послушание, всякое угождение оказывают люди; а ради Христа, вечного Благодетеля, и того делать не хотят, что ради человека-благодетеля делают. Где же почитание, любовь и благодарность к Благодетелю? А без почитания и любви истинной, где вера, которую апостол велит нам от дел показывать: *Покажи мне веру твою от дел твоих* (Иак. 2. 18)?

Из этих приведенных рассуждений видишь, что вера есть корень благочестия и источник, от которого, как ручьи, добрые дела проистекают: от веры страх Божий, презрение мира, умерщвление плоти со страстями и похотями, отречение от самого себя, то есть гнева, злобы, ненависти, похоти, сребролюбия и прочих недугов; любовь к Богу и ближнему, воздыхание и желание блаженной вечности и прочее. А из этого разумей, что тот христианин не имеет веры, который или во зле живет, или к миру, то есть к чести, славе, богатству и плотоугодию мирскому пристрастился. Словом, не верит тот Слову Божию, который не старается по правилу Слова Божия жизнь свою исправлять.

Как не будешь стараться делать то, что повелевается в Писании, если точно веруешь, что Бог, Создатель и Господь твой, тебе это повелевает? Царя земного и даже низшую власть слушаешь и исполняешь их повеления — Бога ли, Царя Небесного, не будешь слушать и заповедей Его исполнять? Царю земному, человеку, который часто и не стоит в истине, как человек, веришь, если что обещает, и ради того служишь ему, и боишься, если чем грозит, — Богу ли, истинному и неложному, не будешь веровать, и на то ли не надеяться и не ожидать, что обещает, и не будешь ли бояться того, чем грозит, когда точно поверишь слову Его святому?

Видишь, что должно прежде поверить слову без сомнения, что оно есть Божие Слово, и есть истинно и неложно; и что оно, как всякому, так тебе и мне сказано от Бога; и что повелевает, как всякому, так тебе и мне повелевает; и что обещает, как всякому, так тебе и мне обещает; и чем грозит, тем всякому, мне и тебе и другому грозит. Ибо Бог на лица не смотрит, но всякому слово Свое объявил. Рассуждай об этом.

Спасайся.

Толкование на Евангелие от Матфея

Избранные главы

Отче наш, Иже еси на небесех!

(глава 6, зачало 16)

Сице убо молитеся вы, — говорит Господь и предлагает нам Свой Божественный образец молитвы не для того, чтобы мы молились только этой одной молитвой, но чтобы из нее, как из источника, почерпали мысли для всех других молитв, чтобы не вносили в другие молитвы того, что противно духу этой молитвы.

Кратка эта молитва Господня, но она объемлет все учение Господа, приводит на память все Его уроки и наставления, так что она воистину есть «сокращение всего Евангелия». И какая молитва может быть более действительна у Отца Небесного, как не та, которая изречена устами Единородного Сына Божия?

«Будем же, возлюбленнейшие братья, — увещевает святой Киприан, — молиться так, как научил нас Учитель — Бог. Да познает Отец словеса Сына Своего, когда творим к Нему молитву. Когда мы, грешные, молимся о грехах своих, будем произносить слова Ходатая нашего. Он Сам говорит, что о чем бы мы ни просили Отца во имя Его, даст нам; поэтому испросим все, что нужно нам, во имя Христа, если будем просить Его же молитвой». Но чтобы молитва Господня была вполне усвоена нашим сердцем и восходила к Богу от всего сердца, для этого вникнем в каждое слово этой благодатной молитвы и прислушаемся к благоговейным размышлениям святых отцов и учителей Церкви, изъяснявших эту молитву. Молитва Господня заключает в себе священное число — семь прошений: в начале ее стоит воззвание к Богу, как к Отцу, а в конце — славословие.

Отче наш! «О, какое к нам снисхождение, — говорит святой Киприан, — какое обилие благоволения и благости Господа, когда Он дозволил нам называть Бога Отцом, а себя именовать сынами Божиими так же, как и Христос, Сын Божий! Никто из нас не дерзнул бы употребить это имя в молитве, если бы Он Сам не дозволил так молиться». — «Какое превеликое Божие человеколюбие! — размышляет святитель Кирилл Иерусалимский. — Отпадшим от Него и дошедшим до крайности во зле дарует ся такое прощение всего худого и такая благодать, что они именуют Его Отцом: *Отче наш!*» «О, какое чрезвычайное человеколюбие! О, какая превосходная честь! — восклицает святитель Иоанн Златоуст, — какое слово будет в состоянии воздать благодарность Подающему нам тяжкие блага? Посмотри, возлюбленный, на ничтожество твоей и моей природы, вникни в сродство ее — в эту землю, пыль, грязь, глину и пепел, потому что мы созданы из земли, и опять наконец разлагаемся в землю. Представь это и удивляйся непостижимому богатству великой благости к нам Божией, по которой заповедано тебе называть Его Отцом, земному — небесного, смертному — безсмертного, тленному — нетленного, временному — вечного».

«Во всяком прошении, — говорит блаженный Августин, — прежде всего стараются снискать благоволение того, к кому обращаются с прошением, а потом уже излагают самое прошение. А это благоволение обыкновенно снискивается похвалой тому, кого просить намерены. В Писании много есть речений, коими изъявляется хвала Богу, но не найдешь, чтобы Израилю предписано было взывать к Богу: *Отче наш*. Это преимущество дано новому Израилю — христианам; им дана власть быть *чадами Божиими* и взывать: *Авва Отче!*» «Господь часто именовал Бога Отцом нашим, — замечает еще один древний учитель, — даже заповедал это. Взывая так в молитве, мы исполняем Его заповедь. Блаженны те, которые познают в Боге Отца». Имя Бога Отца открыто нам в Сыне, как Сам Сын говорит об этом: *явих имя Твое человеком* (Ин. 17, 6). «Называя Бога Отцом, — говорит блаженный Августин, — мы и любовь свою свидетельствуем, ибо что для детей сладостнее имени Отца? и уверенность в получении просимого изъявляем, ибо в каком же прошении откажет сынам Своим Бог, когда даровал им прежде власть чадами Божиими быти?»

Отче наш! Какое сладостное воззвание! «У кого есть отец, — поучает святитель Феофан Затворник, — тот чувствует себя под мощным крылом, огражденным от всякой опасности; чувствует, что ему нет нужды ни о чем безпокоиться: все будет — и пища, и одежда, и кров, и что ему стоит только обратиться к отцу, когда чего-либо захочет, и все получит». «Будем же с надеждой призывать Бога, как Отца, — увещевает святитель Тихон Задонский, — будем к Нему простирать свои руки, как дети простирают руки к родителям во всяких нуждах своих». Отче наш! Ты и создал нас, Ты и печешься о нас — так, как не печется ни один отец земной о любимых детях, ибо без Твоей воли святой даже ни один волос не падает с головы нашей.

«Господь не говорит: Отче *мой*, — замечает святой Златоуст, — но Отче *наш*, и этим самым повелевает молиться за весь род человеческий, никогда не иметь в виду собственных выгод, но всегда стараться о пользе ближнего. А таким образом и вражду уничтожает, и гордость низлагает, и зависть истребляет, и любовь

вводит». «Господь внушает, — говорит блаженный Августин, — чтобы богатые и знатные в мире этом, став христианами, не гордились перед бедными и незнатными, потому что и бедные и богатые одинаково взывают к Богу: *Отче наш*». «Ты не говоришь: Отче *мой*, а Отче *наш*, — поучает блаженный Феофилакт, — итак, смотри на всех, как на братьев, как на детей одного Отца».

Молись же Отцу: Отче наш, Ты Отец наш, а мы братья во Христе — Твоем Сыне Единородном; Ты всех нас одинаково любишь, обо всех одинаково помышляешь, а потому я, первый из грешников, дерзаю молиться не о себе только, но и о всех братиях моих, как и они все молятся за меня, недостойного, дерзаю просить милостей Твоих не себе только, но и всей Церкви Твоей, как и она вся единым сердцем и едиными устами просит того же для меня, непотребного... Отче наш, ***Иже еси на небесех***! Бог наш на небеси и на земли; Он вездесуш, и нет места, где бы Его не было. Поэтому, «когда говорит Господь в молитве: *Иже еси на небесех*, то этим словом, — так объясняет святитель Иоанн Златоуст, — не заключает Бога на небе, но отвлекает молящегося от земли и поставляет его в горных жилищах». «Господь, — по толкованию блаженного Феофилакта, — только указывает тебе на твое отечество и на отеческий дом: поэтому, если желаешь иметь Бога Отцом, смотри на Небо, а не на землю, как безсловесные». Он напоминает тебе, из какого Отечества ты ниспал и какого благородства лишился. Это то же, что возглашение: *горé имеем сердца*! Там, на Небе, Господь являет славу Свою блаженным духом, туда стремится и наш дух из сей юдоли земной, где мы только странники и пришельцы. Но это духовное небо недалеко от каждого из нас: оно в чистом сердце христианина. «Как грешник назван землей, — говорит блаженный Августин, — когда ему сказано: *земля еси и в землю отыдеши* (Быт. 3, 19), так праведник может быть назван небом, ибо праведные отстоят от грешных, как небо от земли».

Подобным же образом объясняет и святой Симеон Солунский: «Бог, будучи свят, во святых почивает. Ангелы же, обитающие на Небесах, святее нас, как и Небо чище земли. Вот почему нам и думается, что Бог есть паче на Небе». Сколько же нужно дерзновения, какая потребна душа, какую надобно иметь совесть, чтобы осмелиться называть Бога своим Отцом! И Евреи дерзали говорить Спасителю: *единаго Отца имамы, Бога*. Но что говорит им Господь? *Вы отца вашего диавола есте* (Ин. 8, 41-42), потому что исполняете его желания, его волю. «Не может назвать Отцом своим Бога тот, кто скотам или даже диаволу нравом своим подобится, — говорит святитель Тихон Задонский, — ибо те, которые Бога Отцом своим называют, должны иметь и свойства, подобные Отцу, должны от чистого сердца Ему и работать».

«Христос — истина учит нас не лгать, — говорит святитель Григорий Нисский, — не говорить о себе того, чего в нас нет, не именовать себя тем, чем мы не были, но, называя Отцом Своим Праведного и Всеблагого, родство это оправдывать нашей жизнью».

О БОЖИЕМ ПРОМЫСЛЕ

Два ангела

путешествовали по миру. Однажды они остановились на ночлег в одном богатом доме. Он был очень просторным, но хозяева этого дома были злые люди, поэтому они отправили путников ночевать в сарай. В этом сарае почти совсем прогнила крыша и грозила обвалиться на головы путникам.

Утром, когда все проснулись, крыша была как новенькая. Старший ангел отремонтировал ее. Но путники не получили даже доброго слова на прощание и двинулись в путь дальше. На следующую ночь они остановились в очень бедном доме. Там жили лишь старик со старухой. Они были очень рады гостям и разделили с ними свой скромный ужин. Затем хозяева уложили их спать в своем доме, а сами ушли ночевать в сарай. Утром, когда все проснулись, обнаружили, что у стариков сдохла корова. Это была единственная их ценность.

Когда ангелы пошли дальше, следуя своим путем, младший ангел спросил старшего:

— Почему, когда мы ночевали в богатом доме у злых людей, ты помог им, несмотря на то, что они так плохо с нами обошлись, а наказал этих несчастных стариков, которые готовы были отдать нам все, что у них есть?

Второй ангел ответил:

— Все не так просто, как тебе кажется. В первую ночь я увидел, что в сарае на крыше спрятано большое богатство. Если бы крыша провалилась, то хозяева получили бы его. А они этого не заслуживают. Во вторую же ночь, когда мы были у этих добрых стариков, к ним прилетал ангел смерти. Он хотел забрать старика. Старуха бы этого не перенесла, поэтому я договорился с ним, и он взял взамен корову.

Многие вещи в мире не такие, как кажутся на первый взгляд. Но требуются поистине ангельские терпение и мудрость, чтобы поверить: все, что происходит в жизни — для нашего блага.

«ЖИЛ ЧЕЛОВЕК...».
Сборник христианских притч

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПОРТРЕТА

К иконографии святителя Тихона Задонского

Одно из первых иконописных изображений свт. Тихона, написанное по видению прапорщика Якова Машонова, бывшего в 1788 году

Портреты и изображения преосвященного Тихона Задонского писались ещё при жизни великого подвижника святости и благочестия земли Российской. Отчасти это было связано с высоким статусом самого архиерейского сана, в котором пребывал святитель Тихон, а также с занимаемыми им достаточно высокими для Царской России духовными постами; но более всё же прижизненные портреты святителя Тихона являли собой свидетельство большой любви и уважения со стороны его современников. Ведь многие из них сумели воочию узреть в образе смиренного до непостижимых глубин самоуничижения епископа сияние истинной святости и неземной красоты. Вместе с тем, известно, что святитель Тихон очень неохотно соглашался на позирование, в связи с чем несколько раз художникам приходилось писать его портреты тайком: к примеру, во время трапезы Тихона Задонского, приглашённого в какой-либо дом к помещику или самому губернатору на неофициальную встречу.

Несмотря на достаточно большое количество известных нынче икон и изображений святителя Тихона Задонского, остаётся немалое количество вопросов касательно времени их происхождения, авторства, а также точности передачи характерных и отличительных черт святителя Тихона. Эти вопросы возникали ещё в начале XX века и, к сожалению, так и не были разрешены исследователями и специалистами в области иконографии и агиологии. Так, один из известнейших дореволюционных исследователей иконографии свт. Тихона Задонского Сергей Николаевич Введенский писал в 1911 году: «В его иконных изображениях не успелоустановиться то однообразие, какое мы видели, например, относительно преподобного Серафима Саровского».

Учёный также обратил внимание, что, несмотря на умножение сведений о святителе Тихоне Задонском, «от времени жизни святителя Тихона не сохранилось ни одного вполне определённо датированного портрета его». Введенский особенно подчеркивал и обращал внимание на существенные различия облика Тихона Задонского в достаточно многочисленных портретных изображениях святого. Однако эти различия, как мне кажется, отчасти объяснимы, ибо писали портреты святителя Тихона Задонского зачастую не профессиональные художники, а люди из среды его почитателей. Эти изображения умножились после земной кончины святителя, причём создавались нередко с чьих-то слов или же по памяти, и даже по видениям во сне (к примеру, так был создан небезызвестный портрет-икона святителя Тихона, написанный со слов отставного прапорщика Якова Машонова).

Однако в поле зрения Введенского и других исследователей явно не попал прижизненный портрет святителя Тихона Задонского, написанный его ближайшим учеником и сотаинником Никандром Бехтеевым. Причина этого, казалось бы, странного обстоятельства проста. К началу серьёзных исследований изображений прославленного в лике святых Тихона Задонского, пришедшегося на 1861 год, портрет Никандра Бехтеева находился уже в Валаамском монастыре. И, по всей видимости, информация об этом портрете, переделанном позже монахами Валаамской обители в икону, насельниками обители не разглашалась.

Первое упоминание о существующем прижизненном портрете святителя Тихона Задонского работы Никандра Бехтеева пришло мне ещё года полтора назад от москвички И. Г. Лилы, которая очень помогла автору этих строк по части генеалогических изысканий при работе над книгой о поэте Сергее Бехтееве, дальнем родственнике Никандра Бехтеева.

Она выслала мне небольшую ссылку на дореволюционную книгу «Валаамский монастырь и его подвижники», изданную в Санкт-Петербурге в 1903 году. Книга эта сообщала, что среди святынь Валаамского монастыря имелся прижизненный портрет свт. Тихона Задонского работы Никандра Бехтеева. Также кратко излагалась и сама история появления в Валаамском монастыре этого изображения святителя: «После смерти Никандра портрет перешел к его родственнику – статскому советнику Есипову, от последнего – к его няньке и от мужа ее, башмачного мастера Михаила Никитовича Пяткина в 16.08.1861 г. пожертвован им в Валаамский монастырь».

«Итак, этот портрет находился ещё в начале XX века в Валаамском монастыре. Какова же его дальнейшая судьба?» – часто размышлял я на эту тему, чувствуя неизменно и неизъяснимо какое-то душевное волнение. Вскоре удалось найти ещё одно упоминание о том искомом и желанном портрете, на сей раз в брошюре одного из современных авторов, в которой описывалось прошлое Валаамского монастыря и говорилось буквально следующее: «Между Успенской церковью и собором находилась (некогда) ризница. В ней хранились прижизненное изображение св. Тихона Задонского, хоругвь – вклад князя Дмитрия Пожарского, образ Казанской Божией Матери, по преданию, бывший в опочивальне Императрицы Елизаветы Петровны, частицы св. мощей».

При первой же возможности я занялся поисками бехтеевского портрета. В доступной литературе удалось узнать, что в марте 1940 году монахи Валаамского монастыря, услышав о подписании мирного договора между Финляндией и Советским Союзом, по которому вся Карелия с монастырями Валаамским, Коневским и Линтульским отходила к СССР, начали срочную эвакуацию. По договору жителям острова давалось всего несколько дней для отъезда вместе с имуществом на территорию в Финляндию. Руководил эвакуацией наместник монастыря иеромонах Исаакий. По его распоряжению монах Симфориан сделал «24 редких удара в Андреевский тысячепудовый колокол в знак умирающей Валаамской тысячелетней обители, а иеромонах Исаакий вынес благоговейно из собора престольные мощи и настоятельский посох – символ игуменской власти, и выехал с Валаама. Колокол печально прозвучал, возвещая смерть обители...»

Конечно, за столь краткий период, отпущенный на эвакуацию, монахи сумели увезти с собой лишь самое ценное. Но я не допускал мысли, что насельники монастыря могли бросить на растерзание богоборцам такую святыню, как прижизненный портрет святителя Тихона. А потому сразу же написал письмо именно в Финляндию, в Нововалаамский монастырь, где хранятся и по сей день многие безценные реликвии, спасенные некогда валаамскими монахами от почти неминуемой гибели и поругания. На удивление, вскоре был получен утвердительный ответ от архивариуса Нововалаамского монастыря монаха Исидора.

Привожу текст того столь радостного для меня письменного сообщения: «Досточтимый Владимир Константинович! Мы получили Ваше письмо и разделяем Вашу радость.

Портрет святителя работы Никандра Бехтеева, сохранившийся в Нововалаамском монастыре

Сообщаем, что портрет святителя Тихона, писанный рукою монаха Никандра, впоследствии переделанный под икону, находится в нашем музее. Подпись на обратной стороне подтверждает, что это подлинник. Найти его не составило труда, т. к. о. игумен Сергий сразу обратил внимание на этот портрет... Исидор, монах, архивариус Н-Валаамского монастыря. 9.03.09 г.»

Узнав, что я являюсь директором Бехтеевского фонда, а фонд содействует восстановительным работам по возрождению храма во имя прп. Сергия Радонежского в с. Липовке, месте, где некогда месяцами любил проживать свт. Тихон Задонский, насельники монастыря, по благословению игумена Сергия, любезно выслали мне фотокопию с того столь желанного для меня прижизненного портрета Тихона Задонского работы Никандра Бехтеева. Получив по электронной почте портрет и взглянув на него, я буквально ахнул – так поразил меня впервые увиденный в таком изображении лик святителя Тихона. Нет, портрет-икона Тихона Задонского в исполнении Никандра Бехтеева не внес принципиально новых, с внешних позиций, особенностей. Лик святителя был не только узнаваем, но и весьма схож с некоторыми иными его же изображениями (всего в моей коллекции, если можно так выразиться применительно к образу святого, порядка двух десятков изображений святителя Тихона; так что было с чем сравнивать). Вместе с тем, бехтеевский Святитель Тихон отличен своей необыкновенной одухотворенностью, какой-то небесной утонченностью лика, изяществом художественного стиля живописца. На портрете любимого ученика (а Никандр Бехтеев относился именно к таковым) святитель Тихон – весь в лучах неземной славы, святости и непередаваемой словами какой-то чистоты, христоподобности.

На обратной стороне портрета – латунная пластинка с выгравированной надписью: «*Портрет Св. Тихона, епископа Воронежскаго и Елецкаго, писанный на холсте, наклеенном на доску длин. 9 1/4 и ширин. 6 1/4 верш. Он писан с натуры ближайшим учеником Угодника Божия, монахом Никандром, сыном Задонскаго помещика Генерала Бехтеева. Впоследствии поступил к родственнику Бехтеева, Статскому Советнику Есепову, подарившему его своей няньке, от мужа которой, башмачнаго мастера Михаила Никитича Пяткина, поступил в Валаамский монастырь в 1861 году. Поступил от М. Н. Пяткина через Валаамскаго иеродиакона Пимена. По описи 1864 года Глава XXXIII № 3*».

В данном тексте допущена одна небольшая неточность. Никандр Бехтеев не был сыном генерала, а был сыном отставного секунд-майора Алексея Ивановича Бехтеева, ксизовского и липовского помещика.

Следует отметить, что большинство из известных ныне иконных изображений свт. Тихона писались спустя многие годы после земной кончины Тихона Задонского. Быть может, по форме они и точно соответствовали образу первоисточника и были написаны безупречно канонично, но по духу не всегда дотяги-

вали до той высоты, которой достиг святитель Тихон ещё на земле своей подвижнической жизнью. Кроме того, масса изображений свт. Тихона Задонского явно выполнена художниками весьма невысокого уровня, а порой даже чуть ли не в откровенно лубочном стиле. Это я говорю не в качестве упрека, но, имея в виду, прежде всего, те наивные простенькие иконные изображения святителя Тихона, что доводилось мне не раз видеть в ряде деревень Задонского района, а также в Воронежской области. Народная любовь творила, конечно, от души и сердца, но православная икона – это, кроме всего прочего, не только любовь, но и мастерство, а также особый дар Божий.

Надо подчеркнуть, что многим представителям рода Бехтеевых присущи были именно художественные и даже изобразительные живописные способности и достоинства. Так, прекрасными художниками были родной брат поэта Сергея Бехтеева (1879-1954) Алексей (1883-1967), а также его сестра Наталья Сергеевна (1876-1950) Бехтеевы. Род Бехтеевых подарил России также замечательного высокопрофессионального художника Владимира Георгиевича Бехтеева (1878-1971), имевшего мужество остаться после Октябрьской революции 1917 года в Советском Союзе. Вероятно, и Никандр Бехтеев имел незаурядные таланты к живописи, специально обучался ей, и что самое главное, он искренне и пламенно любил своего духовного отца свт. Тихона и был даже, как свидетельствует житие, сотаинником святителя в последние земные годы его жития. Эта сыновья духовная любовь и незаурядное мастерство, без сомнения, отразились во всей своей полноте в чудесно исполненном красками на холсте портрете, переделанном позже монахами Валаамского монастыря под икону. Под словом «переделанный» (см. выше письмо монаха Исидора Ново-Валаамского монастыря), надо понимать, конечно, лишь внешнее оформление портрета: ризы, иконная рама и прочее, но, конечно же, не перерисовку образа.

По моему глубокому убеждению, из всех известных до сего дня икон свт. Тихона Задонского портрет Никандра Бехтеева возсиял на небосводе иконографии святителя Тихона как новая, доселе неведомая нам яркая звезда, явление которой есть большое утешение в наши скорбные дни. Хочу также напомнить, что согласно мнению, пожалуй, самого авторитетнейшего знатока иконографии свт. Тихона Задонского, Сергея Николаевича Введенского, почти все иконы святителя Тихона, некогда принятые за образец, впоследствии, при неоднократном копировании и перепечатывании, существенно искажались. Это замечание Введенского относится к целому ряду иконных образов свт. Тихона, включая знаменитый «ходовский», широко используемый ныне при производстве современных икон святителя Тихона Задонского.

Портрет из коллекции Подстаницких

На сегодняшний день существуют упоминания и об иных, хранимых в тех или иных местах, якобы прижизненных изображениях святителя Тихона Задонского. Имеются сведения о наличии подобных портретов в Церковно-археологическом кабинете Московской духовной академии, в Белоруссии и даже в частных коллекциях. Так, в частной коллекции Подстаницких, Сергея и Татьяны, на их персональном сайте в интернете значится «прижизненный портрет Тихона Задонского, написанный неизвестным художником».

Происхождение этого портрета, как представляется, действительно, весьма древнее. Он интересен тем, что содержит в верхней части стихотворную надпись: «Кто Кексголма гражданин при ладожских брегах Учеными озарял, вселяя Божий страх. В стране Воронежский блистал кто горним светом, В телесном виде тот изображен портретом. Он в жизни воспылал любовию ко Христу, Призрел и победил мирскую суету. Велик был верою, неутолим трудами. Но кто дела его исчислит всеми нами? Довольно слышать глас похвал ему в венец. Был Тихон к небу свет, щедротами отец».

Но, скорее всего, портрет этот следует отнести лишь к очередной копии с ходовского раннего изображения святителя Тихона, но никак не к оригиналу, местонахождение которого ныне неизвестно. Итак, кроме гравюры с раннего изображения святителя Тихона Задонского (портрет, хранившийся у Косьмы Студеникина) и изображения со святых мощей Тихона Задонского (1848 г), на сегодняшний день мы располагаем также двумя наиболее достоверными изображениями свт. Тихона, сделанными живописцем Басовым, по поручению будущего митрополита (а тогда ещё архиепископа) Московского Платона и инком Никандром (Бехтеевым), учеником свт. Тихона Задонского (время написания последнего портрета неизвестно). Именно эти, а не иные изображения, а также икона, находящаяся, как и в дореволюционное время при святых мощах святого, на мой взгляд, должны стать эталоном для современных нынешних наших иконописцев, ибо отвечают совершенно как иконописным канонам, так и исторической достоверности образа святителя Тихона Задонского.

ВЛАДИМИР НЕВЯРОВИЧ

Публикуется в сокращении

Человек Божий

Блаженной памяти схиархимандрита Виталия посвящается

Беседа 36

Из воспоминаний родственников, друзей и духовных чад отца Виталия о годах его юности

Основанием для написания этой статьи послужила тетрадь, бережно хранившаяся многие годы у духовных чад Батюшки. Пожелтевшая и выцветшая от времени, с потертыми ветхими краями, убористо исписанная чернильной ручкой, она в свое время (в 1940-е годы) принадлежала юному Виталию Сидоренко.

В эту тетрадь Виталий выписывал всё полюбившееся, что удавалось найти и прочесть «Божественного» – как было принято выражаться в те годы. В основном это были стихи: о вере, о Церкви, о Христе-Спасителе, о Матери Божией – простые, но вдохновенные. Впоследствии (и в Глинской пустыни, и в горах Кавказа) о. Виталий сохранит обыкновение переписывать полюбившиеся отрывки из святых книг, однако поменяется характер выписок – пришедшему в зрелый духовный возраст подвижнику станут ближе более серьезные святоотеческие мысли.

Часть тетради занимают рисунки. Рисовал Виталий сам, разноцветными детскими карандашами.

Господь наделил будущего старца разнообразными дарами. Один из них – дар художественного творчества. Об этом мы можем судить не только по детским рисункам. Так, раба Божия З., впервые приехавшая с подругами в Глинскую пустынь, вспоминает: «Помню, когда мы только подошли к воротам монастыря, наши сестры (большинство из которых, в отличие от меня, были знакомы с отцом Виталием) обратили мое внимание на Чашу – потир, изображенный над вратами: "Это рисовал отец Виталий"...»

В городе Сухуми, в доме у неких богобоязненных людей, давних чад о. Виталия, до сих пор сохраняется большое изображение распятого на Кресте Христа в терновом венце. Оно было нарисовано в свое время о. Виталием прямо на стене дома.

В этом номере альманаха мы приводим часть рисунков из тетради. Текстовую же подборку, составленную из воспоминаний родственников, друзей и духовных чад Батюшки, посвящаем годам его юности.

* * *

«Ты, Господи, упование мое от юности моея. В Тебе утвердихся от утробы, от чрева матере моея Ты еси мой покровитель» (Пс. 70: 5-6).

По слову прп. Силуана Афонского, «святые были такие же люди, как все мы – ходили ногами по земле

и руками работали», и отличались лишь тем, что «дух их всегда пребывал в Боге, и умом они не хотели оторваться от памяти Божией».

Среди нас совсем недавно жил человек – приснопамятный старец схиархимандрит Виталий, который также «ходил ногами по земле и руками работал», и был как все: тяжелое детство, скорби, болезни, труды... Но дух этого человека горел жарким пламенем.

Главное, что отличало о. Виталия с самого раннего возраста – это жажда Божественного просвещения и научения. Вот как говорят об этом близкие ему люди.

Валентина, родная сестра о. Виталия: «С детства Виталий был любопытным, много читал, особенно религиозные книги».

Схимонахиня Елисавета (г. Тбилиси): «Он очень любил Божественные книги. Читал обычно ночами на чердаке со свечкой, за что получал от матери, как он говорил, "хорошего леща" (т.е. пощечины), потому что, во-первых, свечка стоила денег, а, во-вторых, мать боялась, что по неосторожности сына может случиться пожар».

Схигумения Серафима (г. Тбилиси): «Когда Виталий научился грамоте – стал читать Евангелие. Уйдет, бывало, на реку, спрячется в лодке и читает. Мать его ищет, а он увлечется и забудет, что надо идти домой».

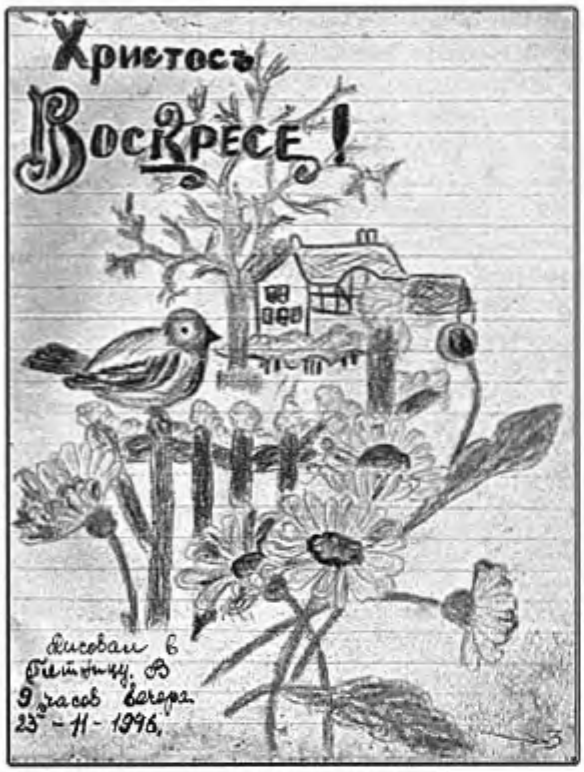
Эта тяга к Божественному выражалась не только в чтении, но и в жажде слышания Слова Божия – юный Виталий всегда тянулся душой к верующим людям, туда, где можно было услышать о Боге.

Схигумения Серафима (г. Тбилиси): «Он искал Господа, просил маму и бабушку рассказывать о Нем».

Но родственники не всегда могли утолить духовную жажду не по годам серьезного мальчика. Мама, как мы видим из воспоминаний близких людей, по своей естественной родительской любви и по страху перед безбожными властями (тогда ведь было время гонений на Церковь) не только не поддерживала, но и наказывала свое чадо за такую «опасную» ревность. Однако Господь не оставлял Своего раба – находились люди, с которыми Виталий мог от сердца к сердцу вести беседы на любимые темы.

Схимонахиня Зиновия (с. Бурдино): «Когда я жила в Ростове, то познакомилась там с чудесной матушкой – Иулианией. Муж ее погиб на войне, сын женился, и жила она одна. Иулиания раньше была соседкой и подругой матери о. Виталия – Александры. Она рассказывала, что отец Батюшки погиб на войне, и Александра одна воспитывала двоих детей: сына Виталия и дочь Валентину.

Иулиания была простая и добрая женщина. Часто случалось так, что родная мать побьет за что-



нибудь Виталика, а мать Иулиания пожалеет».

Николай, сын Иулиании, одноклассник о. Виталия: «Он часто приходил к моей маме, Иулиании. Приносил Святые Писания...

Он всё втайне хранил. И [его родная] мама не знала. Его мама вообще не знала, потому что она [не понимала и боялась христианской ревности своего сына]... Поэтому он всегда все от неё хранил в секрете. Если что открывал, то открывал только моей маме. С моей мамой он был всегда в беседе. А так – никому ничего, потому что некому было говорить...

Пока он не ушёл с Екатериновки, они с моей мамой постоянно имели дружбу. Он приносил Священное Писание, тетрадки и всё с мамой там беседовали: как молиться, как подвизаться – до самых последних дней».

«До самых последних дней» можно понимать двояко: пока Виталий не ушел из Екатериновки, и пока не скончалась м. Иулиания, т.к., будучи в странствиях, о. Виталий незабывал своей духовной собеседницы. «Когда Виталий попал в Глинскую пустынь, – вспоминает Николай, – он писал моей маме письма, постоянно имел с ней общение. Я тогда был уже в Никитовке, в Горном. Я туда переехал, устроился работать. А он тогда писал маме в Екатериновку, с ней постоянно имел связь: "Мать Иулиания, скажи брату Николаю..." – и писал мне наставления через маму. Потом он приезжал туда, где я работал на руднике, но там он меня уже не нашёл. А связь с мамой была постоянно, до конца».

Интересно упоминание Николая о тетрадях, которые Виталий приносил к его матери. Имеющейся у нас рукописи рисунки датированы 1945-47 годами, а по словам Валентины – родной сестры Батюшки – Виталий навсегда покинул родительское гнездо только в 1947 году. Значит, и эту тетрадку он тоже мог приносить в дом Иулиании...

«Божественные настроения», т.е. признаки глубокой веры, проявлялись у юного Виталия везде и во всем, в том числе и в беседах со сверстниками.

Николай, одноклассник о. Виталия: «Всегда он имел настроение о Божественном. Что ни начинает мирское говорить, а всегда оканчивает Божественным. Например, мы идем на работу в колхоз – он говорит: "Всё нам Господь дает. Видишь: мы идем [на работу], и нам Господь будет помогать. Нам никто из людей не поможет. У мамы всё ладится... А почему? Господь помогает"...»

Александре в то время приходилось нелегко. Мужа забрали сначала в тюрьму (за несколько початков «казённой» кукурузы), потом – на фронт. А тут – голод, война, разруха, непосильный колхозный труд за «галочки», сын «антисоветчик» и дочь-малолетка...[1] Разумеется, при такой жизни требовалась лишь Божественная помощь, чтобы «всё ладилось». И Виталий уже тогда это прекрасно понимал. Он усвоил себе смысл и глубину слов Христовых: «*Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего*» (Ин. 15, 5). «Вот так он всё переводил на Божественный лад...» – заключает Николай.

Даже советская школа 1940-х годов не смогла «перевоспитать» юного боголюбца.

Виталий Сидоренко – ученик 7 класса

Схимонахиня Елисавета (г. Тбилиси): «Когда Виталию исполнилось восемь лет, он пошел в школу. Но тяга к Божественному заставляла его неизменно носить с собой Евангелие даже туда. В свободное от уроков время, тайком от учителей читал он Священное Писание одноклассникам. Многие из них впоследствии посвятили жизнь свою Богу, став людьми церковными».

Валентина, родная сестра о. Виталия: «В школе вступал в споры с учителями, особенно исто-

[1] Девочка была на 9 лет младше Виталия (*прим. ред.*).

риками. Одноклассники все считали его посланником не от мира сего, и многие стали верить Господу...»

Схимгумения Серафима (г. Тбилиси): «В школе и ученикам, и учителям, не боясь, говорил истину о вере, о Господе, за что и бывал наказуем».

Николай, одноклассник отца Виталия: «Однажды в седьмом классе учительница его спросила: "Ну, Виталий, расскажи..." – что-то про птиц. А он встал и говорит: "Вы знаете, вот голубь и голубица – они возвещают славу Божию всегда. И если мы живем по воле Божией, мы тоже возвещаем славу Божию. А если не по воле Божией, то мы противимся Богу. А в противлении Богу нам не спастись". И вот он так всегда про Господа, про Матерь Божию. За это его в школе стали считать, что он "антисоветчик", потому что каждый раз встает на уроках и вещает о Божестве...»

Так, конечно, долго продолжаться не могло. В 7-м классе последовало исключение «антисоветчика» из школы и началась для Виталия новая – странническая – жизнь, к которой, впрочем, он был уже внутренне готов...

Монахиня Андроника (Пискурева), г. Глухов: «Когда Виталий учился в седьмом классе, по программе школьники проходили "Железную дорогу" Н. Некрасова: "В мире есть царь, этот царь безпощаден..." А он взял и переделал на свой лад, что "в мире есть Сталин" – как раз тогда же Сталин был: расстреливал, в ссылки сгонял. И Виталия за это, как "политического", из школы исключили».

Николай, одноклассник о. Виталия: «С седьмого класса он уже ушел, бросил школу, всё бросил – презрел всё человеческое. И пошел по духовному...»

Монахиня Андроника (Пискурева), г. Глухов: «Когда Виталия исключили из школы, он собрал вещи и ушел из дома. Пришел в Таганрог и у отца Павла, который сейчас канонизирован[2], на могилке благословение взял...»

Валентина, родная сестра о. Виталия: «После окончания семи классов [неполного – как явствует из предыдущих рассказов] он ушел в путешествие по святым местам. В 1947 году он навсегда покинул родительский дом...»

В это время (в 1947 году) Виталию Сидоренко было 19 неполных лет. Исключили его из школы в возрасте между 14 и 15 годами. Значит, еще около четырех лет он ходил по святым местам, время от времени возвращаясь домой.

Вот как рассказывает о начале странической жизни о. Виталия одна странница-монахиня:

Монахиня Пахомия: «Знакомы мы с отцом Виталием были давно, с молодых лет. Первый раз мы его увидели во святом храме. У нас был престольный праздник – Покров Пресвятой Богородицы. И много было приезжих. В том

[2] Известный Таганрогский праведник, почивший в 1879-м году. Был причислен Русской Православной Церковью к лику святых в июне 1999-го года (*прим. ред.*).

числе был и он. Мы с мамой позвали его к себе, и еще другого странника. По приходу домой они у нас жили: один – неделю и уехал, а отец Виталий еще оставался,

был более. Потом с ним я странствовала по святым церквам. Это было в 1943 году. Это было его начало».

Валентина, родная сестра о. Виталия: «В 1947 году [т.е. в 19-летнем возрасте] он навсегда покинул родительский дом. Из-за преследования советских властей он не мог посещать своих родных. Мама очень страдала, что сын ушел, а власти ее закрывали в милиции, допрашивали, угрожали. Виталия же считали дезертиром – возраст его был, что нужно служить в армии. С тех пор за нашим домом была слежка милиции.

Но Господь распорядился по-своему. Приходили люди, сообщали маме, где можно с ним встретиться. Сельчане его очень любили, всегда спрашивали: "Где Виталий?" Приходилось отвечать, что мы не знаем, где он».

Во времена своей юности о. Виталий очень любил путешествовать по украинским землям, где сохранялось немало древних святынь.

Монахиня Пахомия: «В 1948 году мы встретились в городе Киеве, оттуда поехали в Чернигов. Там было испытание...» – о. Виталия взяли в тюрьму. Надо сказать, что это было не первое испытание юному подвижнику – со слов Николая, его школьного товарища, с тюрьмой Виталий «познакомился» уже в начальные годы своего странствования, будучи еще подростком. Один из рисунков в его тетради так и называется: «Ранним утром в тюрьме» и изображает молящегося у тюремного окна юношу.

«Только мы вышли из собора, где находятся мощи святителя Феодосия, – продолжает свой рассказ монахиня Пахомия, – навстречу – милиционер: "Ваши документы?" У меня была справка: где проживаю, и что я – инвалид I-й группы. На меня меньше внимания, а его увели. Очень прискорбно это для меня было...

На другой день я помолилась Пресвятой Богородице и попросила у Нее благословения, также – у святых отцов. Где мы жили в монастыре, попросила кое-чего из продуктов и пошла искать брата Виталия. По милости Божией всё быстро нашла – место, куда его заточили, но его самого не видела. Но все же у сторожа узнала, где он: по фамилии. Он ответил: "Есть такой". Я подождала немного, т.к. был перерыв. Пришли начальники. Меня позвали сначала в один кабинет – там был один начальник. Он много со мной говорил, и фамилию мою писал, и все ответы мои писал. Потом повели меня в другой кабинет – там было два начальника средних лет. Они меня запугивали, но я была с Господом: милостью Божией неустрашима и с ними разговаривала, как с родными. Они немало удивлялись моему приходу к ним. Они также много писали, задавали вопросы: есть ли у меня родители и т.д. Я всем пояснила и поведала, что мы приехали посетить святые места, ибо мы живем в ..., и такой святыни у нас нет. Про отца Виталия они от меня скрыли – сказали: "Его нет здесь, он в Киеве". Потом всё проверили, что было у меня: грамáтка [помянник] – они много ей интересовались [ведь там были имена, а для «кэгэбистов» это – находка]. Еще у меня были и продукты и белье. Все отдали (вернули) и приказали, чтобы за 24 часа меня не было. Я их поблагодарила и ушла, не видевши отца Виталия.

На второй или третий день отец Виталий пришел в обитель. Спрашивал меня: "Ты была там?" – в той тюрьме. Я ответила: "Да". Говорил, что его обижали бывшие с ним заключенные. Пришел весь измученный...»

Но как сказано во Святом Евангелии: «*Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах...*» (Мф. 5, 11-12). Эту предреченную радость о. Виталий познал еще при жизни.

Николай, одноклассник о. Виталия: «Попал он в тюрьму: такой молодой ещё – парнишка, можно сказать. Там ему, конечно, туго пришлось. Но он говорил потом мне: "Знаешь, братик, а в тюрьме Иисусова молитва шла сама! Сама лилась, братец, сама..."»

* * *

Годы спустя, будучи уже известным старцем, о. Виталий часто вспоминал о своем начале. И не случайно. Ведь это было незабываемое время его жизни – время блаженной юности, посвященной Христу...

Раба Божия Алла (г. Таганрог): «Батюшка очень любил, когда пели псальмы, особенно псальму о странниках. Одна раба Божия, схимонахиня Лариса, очень хорошо пела – у нее был ангельский голос. И вот она поет – Батюшка слушает и, мне казалось, он даже плакал: песня о страннике напоминала ему о его жизни...»

Псальма «СТРАННИК»

«Ты куда идешь, скажи мне,
Странник с посохом в руке?» –
«Дивной милостью Господней
К лучшей я иду стране.

Через горы и долины
Через степи и поля
Чрез леса и чрез равнины
Я иду домой, друзья.

Там источники живые
И чудесные цветы,
Я иду за Иисусом
Через жгучие пески...» –

«Странник, в чем тебе нужда
Во стране твоей родной?» –
«Белоснежная одежда
И венец весь золотой» –

«Страх и ужас незнакомы
Разве на пути тебе?» –
«А Господни легионы
Охранят меня везде.

Иисус Христос со мною,
Он направит Сам меня
Неуклонною стопою
Прямо, прямо в небеса!» –

«Так возьми меня с собою,
Где чудесная страна» –
«Да, мой друг, пойдем со мною,
Вот тебе моя рука».

Недалёко уж родная
И желанная страна:
Вера чистая, святая
Нас ведет с тобой туда!

Стихи из тетради схиархимандрита Виталия (Сидоренко)

Ключи в Царствие Небесное

О вера чистая, святая,
Ты чудотворная струя,
Ты дверь души в обитель рая,
Ты жизни будущей заря!

И кто же, сознающий, как важно для нашего спасения твердая и глубокая вера, не обратит к ней все помыслы своей души, кто не воззовет к ней:

Гори во мне, светильник веры,
Гори ясней, не угасай,
Будь мне повсюду спутник верный
И жизни путь мне просвещай!

Святой апостол Павел говорит: «*Испытывайте самих себя, в вере ли вы?*» (2 Кор. 19, 5) Почему? Потому что:

Вера в жизни светоч ясный,
Путеводная звезда —
И блажен, кому не гаснет
Этот светоч никогда.

Дивный пастырь мученик

Ты умер!.. Твой дух никогда не умрет,
В сердцах наших образ твой жил и живет.
Пусть речь твоя стихла — дела вопиют
И в памяти нашей им вечный приют.

Пусть жизнь отлетела, но жизненный след
В сердцах ты оставил, внося туда свет!
И пред Судом Нелицемерным,
В лучах нетленного венца
Когда предстанешь там смиренно,
На землю к нам тогда взгляни
И в Царстве Вечном дерзновенно
Нас всех в молитве помяни.

Братья во Христе! Кто бы нас не уговаривал отказаться от нашей простой сердечной веры в Бога и исполнения заповедей Божиих — злодеи ли по их нечестию, ложные ли друзья наши во имя ложной науки, отвергающей Бога, — имейте в уме одну мысль: поправши веру здесь, на земле, лишимся Неба и будем преданы нескончаемому мучению. Если же мужественно пред всеми ежечасно и ежедневно будем исповедовать свою веру среди людей, то станем общниками неизреченной радости Св. Ангелов и угодников Божиих.

И неужели мир блаженный
И сердцу нашему родной
Мы отдадим за этот тленный,
За этот лживый мир земной?

Боже!
Научи меня, Сильный, идти
Лишь стезею святого ученья,
Одного лишь искать мне спасенья,
Правды вечной заветы блюсти.

ОБ ИЗБАВЛЕНИИ ОТ ЗЛОПАМЯТНОСТИ

Часть 4

Вопрос: *Со мной поступили несправедливо, и меня не покидает мысль: «Разве можно христианам так поступать?»*

Ответ: Исполнения заповедей мы должны требовать только от себя, а не от других. Святые отцы учат, что слово Божие как меч обоюдоостр. И если мы направляем его на себя, требуя от себя исполнений заповедей Христовых, то очищаемся от всякой скверны плоти и духа. Освобождаем себя от пут и наростов греховных и приобщаемся радости и утешения благодати Святаго Духа по мере исполнения заповедей. А если требуем исполнения заповедей евангельских от других, то этим мечом закалаем самих себя и начинаем страдать, ожидая любви и утешения от людей.

Эта ошибка почти не замечается и не исправляется нами, а страдания души при таком ожидании справедливости от других только увеличиваются. По этому поводу вспоминается такое святоотеческое наставление: «Не суди ни о ком, хорош он или худ, имея перед глазами только одного худого человека – того, за которого ты должен отвечать перед Богом» (т.е. себя).

Вопрос: *А как этому научиться?*

Ответ: Во-первых, нужно всегда помнить наставления святых отцов: «Немучь себя своей мнительностью», поскольку наши домыслы о человеке могут часто не соответствовать истине.

Более того – не всегда однозначно виноват кажущийся обидчик. Часто мы думаем, что обидчик – именно он; что он нас обидел, он виноват, и воспринимаем его действия как оскорбление, когда на самом деле все наоборот.

Однажды я звонил человеку, который был в отпуске и хотел просто отдохнуть, а потому не отвечал на звонки. И когда я ему звонил, никто не брал трубку. Сначала я подумал, что он чем-то занимается около дома. Потом позвонил в то время, когда уже наверняка знал, что он должен быть в комнате. Он не ответил. А я был его многолетний друг, и мне стало обидно: «Как же так, он ведь наверняка знает, что я могу позвонить ему в это время, и не отвечает!» Раз шесть подряд я набирал его номер с чувством обиды и негодования, с чувством ропота: «Все равно я тебя достану». И вот после шестого звонка друг он смирению берет трубку и говорит: «Прости, сейчас была исповедь, я исповедовался, поэтому я не мог ответить». И всё – мне как оплеуха... я думал, что меня обидели, а оказывается, я его обидел, потому что не давал ему исповедоваться, мешал Таинству. Вот такой яркий, впечатляющий пример – как можно думать о человеке одно, а на самом деле происходит противоположное. И такие примеры, к сожалению, бывают нередко.

А во-вторых, нелишним, но даже справедливым будет попытаться рассмотреть ситуацию с позиции (из состояния) своего оскорбителя. Неужто он всегда только 100-процентный зложелатель и злотворитель? А потом посмотреть: неужто я обижен на все 100% несправедливо? При таком размышлении чувства огорчения, ропота и обиды могут ослабнуть, и со временем, быть может, ты согласишься повторить слова благоразумного разбойника: *«По делом моим приемлю...»*

Вопрос: *Но если бывает трудно извинить какое-либо тяжелое оскорбление?*

Ответ: Полезно вспомнить: а не было ли у меня подобного случая? Наверное, я кого-то оскорбил, презрел или обидел, может быть, даже в раннем детстве, и вполне вероятно, что теперь этот случай вернулся ко мне, чтобы мне не только вспомнить свои забытые грехи, но покаяться и очиститься от них.

Вопрос: *А если все-таки «живет злоба» на этого человека?*

Ответ: В таком случае мы тяжко согрешаем, потому что сказано: *«Аще согрешаете против братии, против Христа согрешаете»* (1 Кор. 8, 12) – если мы не любим пусть даже больного, и искалеченного духовно человека, следовательно, мы и Христа не любим, Который за него пролил Свою кровь и заботится о нем, чтобы его спасти. А мы его презираем, уничижаем, что он не такой хороший, не такой порядочный, как мы. Потому нужно состраданием заменить чувства недовольства, уничижения или осуждения. Тогда, осознав это, ты перестанешь терять себя в мрачении страстей и станешь сердцем прилепляться ко Христу.

Наша беда в том, что мы читаем Евангелие и слушаем его в церкви, а не исполняем той заповеди, которая говорит: *«Если кто видит брата своего согрешающаго грехом не к смерти, то пусть молится, и Бог даст ему жизнь»* (1 Ин. 5, 16). А мы эту заповедь забыли и не исполняем. А Он хочет подвести нас к исполнению заповедей, как бы обращаясь к нам: «...помоги ему... пожалей его...

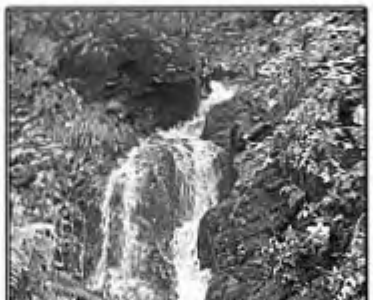
прости ему», подает нам такие случаи, чтобы мы увидели брата, как согрешающего человека, и стали за него молиться: «Господи, помогни ему, вразуми его, просвети, обрати его к покаянию, исправлению, «имиже веси судьбами устрой его спасение и святыми его молитвами и меня, окаянного, помилуй». Тогда мы не будем терять мирное устроение, наносить душе своей вред и доходить до помрачения, а будем мирно воспринимать всякую немирную ситуацию.

Был у нас такой случай. Мы с братиями на правиле читали Послание святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова и там были эти слова: «Аще кто видит брата согрешающего, о том да просит». У здешних монахов поддерживается давняя традиция обсуждать прочитанные слова Священного Писания: как их можно и нужно применять в повседневных обстоятельствах нашей жизни. Мы обратили внимание, что должны именно молиться о согрешающем брате, а не укорять и злословить его. Закончили правило и стали собираться на послушание. И вот один брат вдруг проявил дерзость, которую от него никто не ожидал. Пришлось сделать ему выговор... Будучи в недоумении, я начал молиться: «Господи, вразуми, отчего и для чего такое искушение?» И неожиданно пришло осознание: «Для того, чтобы вы исполнили заповедь, которую сейчас прочитали». Мы собрались идти, и я спросил братию: «Что вы думаете по поводу искушения с N.?» И они ответили точно так же: «Да это для того, чтобы мы за него помолились и исполнили заповедь, которую сейчас прочитали». В этом случае еще раз наглядно видно, как Господь учит нас исполнять ту или иную заповедь в каждом случае и обстоятельстве нашей жизни.

Почему мы вот так страдаем? Потому что отрываем теоретическую христианскую основу от нашей реальной жизни. Мы читаем Евангелие, читаем Послания, читаем святых отцов, а применять их в жизни не стараемся. А ведь фактически все эти наши события ежедневно нам посылаются Промыслом Божиим для того, чтобы мы отсекали волю своего падшего естества и учились поступать не по своим прихотям, а по той или иной заповеди Христовой. Вот смысл ежедневного нашего искушения.

Вопрос: *Но он и не собирается перестать досаждать или измениться, поэтому я никак не могу успокоиться и не знаю, как его отрадывать.*

Ответ: Вот, скажем, если человек отравился, ему стало плохо, он уцепился за меня, чтобы не упасть, и его рвет. И хотя это очень неприятно, но я держу его, потому что если отпустить, то он упадет и ударится головой об асфальт. Очень неприятно, но я же понимаю, что он больной и ему нужно извергнуть яд, которым он отравился.



Так и всякая страсть – тоже яд, только в духовном плане. Человек, скажем, воспринял злопамятность, отравился этим духом – принял его яд, и теперь ему хочется высказать нам в резкой форме. Ему ведь будет легче? Ну и пусть.

Он ошибся, отравился тем, что принял какую-то ложную идею. Ему нужно великодушно помочь от нее освободиться каким-то образом, пусть даже мы и потерпим некоторый вред.

Относиться к согрешающим против нас надо не с осуждением, не с презрением и обличением, не с проклятиями и мщением, а с горячим желанием отклонить человека от греха, со словом милосердия, с любовью и состраданием. Вот это и будет единственно правильное и спасительное отношение к любому «обидчику», вместе с тем спасающее и нас.

Вопрос: *Трудно это принять и вместить...*

Ответ: Тогда посмотри на других людей – тех, кто одержим подобными страстями. Эти «наглядные пособия» помогут тебе понять, как человек, будучи в таком состоянии, теряет здравое рассмотрение и рассуждение, как бы говоря: «Хочу пить в грехах моих». В какой-то степени он даже теряет самоконтроль и самообладание, т.е. теряет свободу и становится пленником своих страстей и бесов.

Наверное, каждый из нас наблюдал со стороны явление, когда гневливые, раздражительные, обидчивые люди под действием страсти «преображаются» до неузнаваемости: меняются не только их голоса, слова и поступки, но даже лица искажаются в страшных гримасах.

Страшно и жалко бывает смотреть, как эта страсть их мучит. Почему и само слово «страсть» в переводе со славянского языка означает «страдание». Подобным образом всякая страсть в какой-то мере искажает человека, мучит внутренне и обезображивает внешне.

Как рассказывал некий человек: «Будучи студентами-медиками, – говорил он, – мы пришли однажды на практику в одну из больниц. И вот видим: по коридору идет такая красивая девушка, что почувствовалась возможность влюбиться в нее с первого взгляда – миловидная на редкость. И вдруг кто-то из студентов что-то ей сказал, что ей явно не понравилось. И в один миг это миловиднейшее лицо, эти прекрасные черты лица исказились до ужасающей гримасы. Мы были просто поражены: как могла произойти такая мгновенная перемена в человеке от одного слова?..»

Понимая это, мы должны бороться с каждой страстью, которая проявилась сегодня в том или ином обстоятельстве. Начинать нужно с духовного рассуждения, рассматривая, ЧТО эта страсть приносит душе, и каковы будут последствия во времени и в вечности. Таким образом, душа перестанет мучиться от обид, «кипеть от злобы», и не будет уже возникать желания «бежать куда-нибудь», чтобы только найти покой от таких «благодетелей».

Принявшая смерть за веру Христову

В предыдущих номерах «Задонского паломника» (№№ 71-75 за 2009-2010 годы) мы рассказали читателям об истории Усманского Успенского Софийского женского монастыря, упомянув и о трагической судьбе его последней настоятельницы — игумении Софии (Юдиной), расстрелянной за верность Церкви в 1937 году. Сегодня мы попытаемся, насколько возможно восстановить подробности земного жития этой исповедницы, принявшей смерть за веру Христову.

Александра Сергеевна Юдина была усманской уроженкой. На свет Божий появилась в 1872 году. О семье усманцев Юдиных ничего неизвестно, но можно предположить, что материально они не бедствовали, так как обеспечили дочери возможность закончить полный трехгодичный курс усманской прогимназии.

Обучение Саша начала в возрасте 10-ти и закончила в 13 лет — в 1885 году, получив весьма приличное по тем временам образование. К обязательным предметам в трехклассной прогимназии относились Закон Божий, русский язык, русская история и география (в сокращенном объеме), арифметика (первые четыре действия над целыми числами и понятия о дробях), чистописание и рукоделия.

Кроме того, прогимназия была для девочек того времени хорошей школой не только общего, но и религиозного воспитания, основанного на православной педагогике. Перед началом первого и по окончании последнего урока ученицы по очереди должны были читать установленную молитву. Большое внимание уделялось и воцерковлению детей. Кроме того, что девочки должны были посещать богослужения в воскресные и праздничные дни, они также обязаны были раз в год исповедоваться и представить начальнице прогимназии письменное удостоверение от своего духовника о том, что побывали на исповеди и причастились Святых Таин.

Так что если детская душа Сашеньки Юдиной уже тянулась к Богу, то обучение в прогимназии должно было только укрепить эти добрые ростки. Так, видимо, и произошло, потому что всего несколькими годами позже, когда ее сверстницы вовсю выбирали женихов мирских, 18-летняя Александра решила посвятить себя Жениху Небесному и поступила в Усманский Успенский Софийский монастырь, располагавшийся рядом с Усманью — в селе Новоуглянка. Причем, с постригом новой послушницы не медлили — уже с 1890 года она монахиня. Достаточно уверенно можно назвать ее иноческое имя — София. Именно к матушке Софии обращены 2 письма некоей Евдокии Князевой, изъятые у Александры Юдиной при обыске и доныне хранящиеся в архивном деле с материалами следствия. К письмам приложена также записка бытового содержания с подписью «София».

Игумения София с учительницей приходской школы

В 1917 году монахиня София была поставлена делопроизводительницей Усманской обители, или как она сама сообщила на допросе следователю: «с 1917 по 1920 год я была писарем монастыря». При этом надо заметить, что делопроизводительница обычно была правой рукой монастырской казначеи, особенно если эту должность занимала престарелая монахиня.

Так что ничего удивительного нет, что в трудном 1921 году, когда большевики изрядно потеснили матушек, насильно присоседив к ним сразу 3 детских дома, сестричество Новоуглянки доверило бразды правления именно бывшей делопроизводительнице. Одобрено это решение было и епархиальным руководством, возведшим в том же 1921 году монахиню Софию в сан игумении.

Возглавлял Тамбовскую епархию в это время архиепископ Тамбовский и Шацкий Зиновий (Дроздов), вступивший на кафедру в середине 1918 года и утвержденный в должности Святейшим Патриархом Тихоном (Беллавиным). Но уже осенью владыка Зиновий поделил доставшуюся ему в управление епархию на три части. Это решение было одобрено Патриархом 28 ноября 1918 года. В результате в документах появились епархия Тамбовская — с кафедрой в губернском городе и 2 полусамостоятельных викариатства — Шацкое и Липецкое, к которому был отнесен Усманский уезд. К сожалению, неясно, удалось ли реально заставить работать эту схему управления и кто возглавлял Липецкую епархию до епископа Уара (Шмарина), хиротония которого состоялась только в 1926 году. А потому неизвестно, кто возвел в сан игумению Софию.

Всего три года пробыла матушка София во главе Новоуглянского сестричества. И были это тяжкие годы, когда монастырь все более стеснялся новой властью, не скрывавшей своего намерения ликвидировать «оплот мракобесия». Тем не менее, игумении достало сил, чтобы даже в таких крайне неблагоприятных обстоятельствах неопустительно соблюдать уставную жизнь монастыря. А кроме того — достало намоленного благодатного душевного тепла, чтобы согревать вверенные ей души средь обступившего мрака и холода безбожия.

Свидетельство тому — в строках письма, посланного игумении Софии некоей Евдокией Князевой (видимо, бывшей насельницей обители) уже после разорения монастыря. Евдокия осенью 1936 года посетила некоторые приходы, где еще теплилась церковная жизнь, и поделилась увиденным: «Без Вас все было угрюмо и неприветливо и в Усмани, и в Полозово. В церкви была в Полозово на Рождество Богородицы и не понравилось мне, что там нет порядка на клиросе». То есть при матушке Софии и порядок был, и светло на душе у сестер...

Да и после того, как монастырь окончательно закрыли в 1924 году, не оставила новоуглянская настоятельница попечения о душах людских и церковном благочинии. За ее неравнодушие и попечение о том, чтобы не остались души людские без света Христовой любви, всеутешительницу Юдину, как бывшую игумению, лишили избирательных прав. Но и дальше «гражданка Юдина Александра Сергеевна» делала, что могла, оставаясь безсменным и активным членом церковной «двадцатки». Напомним читателю, что, согласно декрету ВЦИК от 8 апреля 1929 года «О религиозных объединениях», именно 20 человек требовалось для «регистрации религиозного общества».

В Новоуглянке после закрытия монастырских храмов такое «общество» было зарегистрировано при сельской кладбищенской церкви во имя Михаила Архангела. Здесь же, в храмовой сторожке, доживала с 1924 года отпущенный ей срок жизни земной игумения София.

На хлеб игумения зарабатывала, помогая селянам по дому да продавая плоды рукоделия. «Существовала на средства, добываемые путем заработка среди разных лиц за мытье полов, стирку белья и пошивку одеял. В редких случаях ходила читать Псалтырь над умершими, за что мне также платили, но в малом размере», — так запишет скорбный рассказ Юдиной о бытовых ее мытарствах следователь на одном из допросов...

А начались эти допросы в сентябре 1937 года. Основанием для возбуждения дела и обвинений послужило агентурное донесение осведомителя, укрывшегося под псевдонимом «Дорога». 6 сентября сей бдительный товарищ донес, что в селе Ново-Углянке проживает и нигде не работает бывшая игумения здешнего монастыря Юдина, которая ведет антисоветскую пропаганду, заявляя, что «колхозов скоро не будет», так что и «не надо ходить в колхоз», и что «не надо давать закрывать церкви».

Этой агентурной записки следствию оказалось достаточно. 17 сентября было возбуждено уголовное дело и выписан ордер № 3412 на обыск у А. С. Юдиной (л. 1). Ничего компрометирующего перетряхивание скудных личных вещей бывшей игумении в церковной сторожке не выявило. Тем не менее, были изъяты и приложены к делу «фото Юдиной с бывшей учительницей Софийского женского монастыря Величкиной В. М.», переписка, а также «молитвы разные, написанные от руки» (личные синодики матушки Софии) — то есть то, что по мнению следствия подтверждало главное, из-за чего и возбуждено было уголовное преследование «гражданки Юдиной — ее верность вере православной (л. 2). А потому «антисоветчица» была арестована. Мерой пресечения ей избрали «содержание под стражей». И с 18 сентября «Юдина Александра Сергеевна», обвиненная по ст. 58 п. 10 ч. I УК РСФСР, была помещена в «тюрьму города Усмани» (л. 18). В знаменитом «Архипелаге ГУЛАГ» Солженицына об усманском узилище сказано так: «Усмань? ...Вшивая вонючая тюряга, постройка старинная со сводами. И ведь ее набивают, что когда на этап начнут выводить — не поверишь, где они тут все помещались, хвост на полгорода».

Все следствие заняло лишь несколько дней, будучи окончено 24 сентября. Рассказав следователю о своем жизненном пути, матушка София на все обвинения, поддержанные запуганными свидетелями, смиренно и тихо ответствовала: «Виновной себя не признаю» (л. 16 об.). Приписывали же ей высказывания, стандартные для обвинявшихся в те годы «церковнослужителей». Например, «...в августе 1937 она... всячески клеветала на советскую власть и вождя партии тов. Сталина, обвиняя его в закрытии церквей, издевательстве над верующими». Говорила якобы, что «скоро начнется война и погибнет советская власть вместе с коммунистами и колхозами» (л. 8 - 8 об.).

26 сентября 1937 года постановлением тройки УНКВД по Воронежской области Александру Сергеевну Юдину приговорили к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 10 октября в «24 часа». Справка об исполнении приговора приложена к делу № 13144, расследованному УНКВД по Воронежской области. По некоторым данным в Усманской тюрьме же и производились расстрелы осужденных. Но о месте их захоронения сведений нет.

А. С. Юдина реабилитирована определением Липецкой областной прокуратуры от 10 апреля 1989 года. По благословению епископа Липецкого и Елецкого Никона (Васина) епархиальная комиссия по канонизации святых ведет сбор материалов для прославления игумении Софии в лике новомучеников.

Л. МОРЕВ

Христианская нравственность в раскрытии святителя Тихона Задонского

Иеромонах Николай (Павлык)

Часть 6

ГЛАВА I
ГРЕХ ПО УЧЕНИЮ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА

ЛОЖЬ, ЛЕСТЬ, ОСУЖДЕНИЕ, КЛЕВЕТА

Неизбежным следствием гордости, зависти и злобы, с одной стороны, славолюбия и тщеславия, с другой, являются ложь, лесть, осуждение и клевета. Святитель Тихон говорит о них вместе, как о «пороках сродных», «собственных» тому, кто есть *отец лжи* (Ин. 8, 44), и «который иногда преобразуется в ангела света, чтобы так мог удобнее человека обмануть и погубить». Происходя от «плотского рождения» и «плотского мудрования», «сии пороки теми людьми обладают, которые иное языком говорят и иное на сердце имеют. Сих людей слова, как мед, а дело само, как яд». Почему «лестный человек всякого зверя страшнее: ибо зверь, каков есть, таковым себя и показывает, а сей часто под видом смирения и добродетели яд свой скрывает».

Многообразна ложь в мире. «Лжет купец, когда сказует, что товар его такой-то цены стоит, но иначе есть. Лжет свидетель на суде, когда говорит то, что не видел и не слышал; или не говорит того, что видел и слышал. Лжет работник, который, взявши достойную цену, обещался работать усердно наемшему его, но лениво работает или совсем не работает. Лжет пастырь, который обещается и присягает стадо овец Христовых пасти, но не пасет или нерадиво пасет и прочая». Но прискорбнее всех «лжет христианин, который в крещении святом обещается Христу Господу работать, но не работает. Таковой всяк есть, который по крещении святом беззаконнует и к суете мира сего прилепляется».

Ложь, лесть, лукавство удаляют христианина от Бога[1], изгоняют из сердца веру, препятствуют молитве и делают невозможным вечное блаженство. От лукавых и льстецов страдает общество, «понеже: 1) верность, без которой союз общества не стоит, быть там не может, где друг другу ни в чем не будут верить, друг друга опасаться, бояться и за врага иметь. 2) Не может там быть мир, но вместо того взаимная ненависть, вражда, ссоры и прочая; ибо льстецы и лукавцы речи единого к другому переносят и пересказывают не так, как слышали, и не в такой силе толкуют, как говорены, но иначе. 3) Лесть и лукавство ввело и умножило богопротивные клятвы, понеже многие от лживых и лестных обманувшеся, не верят и тем, которые правду говорят: того ради люди принуждены верность своих слов призыванием имени Божия подтверждать, что и в обычай беззаконный и пагубный вошло, и за грех не почитается».

Лжецы и льстецы тем более опасны, чем более осторожно и тонко действуют. От них «много претерпевают простосердечные». Но «сколько они ни хитрят, однако ж хитрость их явлена бывает (например, «когда или вином разгорячившись, или гневом сильным распалившись, извергают то, что в сердце сокровенно было»). И уже тогда всяк ими, как прокаженными, гнушаться будет». Видя такой позор льстецов и вред от них обществу, «простая душа, лести и лукавства не знающая, да внимает псаломника увещанию: *не ревнуй лукавнующим, ниже завиди творящим беззаконие*» (Пс. 36, 1-3)[2]. Сам же святитель советует «со всяким человеком обходиться просто, как сам с собой. Каковым вне ему являешься, таковым и внутрь будь; и что ему говоришь, то должно быть и на сердце твоем».

Сродны между собой, как «плоды необузданного языка и сердца, страхом Божиим неогражденного», и такие пороки, как осуждение, клевета и злословие. Они обнаруживают то же лживое устроение души, что и лесть. Святитель указывает некоторые причины этих страстей. 1. Гордость, обуреваемый которой «не терпит, чтобы кто был выше или равен ему», почему «пересуждает и уничтожает (уничижает – *ц. Н.*) его, или, хотя свои грехи укрыть, других злословит и клевещет, чтобы слышащие думали, что он таких грехов не имеет, в каких ближнего осуждает». 2. Зависть, «понеже завистливый не хощет видеть в почтении и славе ближнего своего, тщится честное имя его помрачить». 3. Злоба: «злобный бо, не имея чем отмстить тому, на кого злобится, злословием и оклеветанием славу его потемнить тщится». 4. «Бывают еще от злой привычки, ревнования, нетерпения и прочего».

Клеветник вредит тому, на кого клевещет; вредит и себе, ибо тяжко грешит; вредит и тем, кто его клевету

---

[1] В таком именно смысле понимает святитель слова Спасителя в Евангелии от Матфея (8, 20). «Нет Ему и тут места, где лукавые лисы язвины свои имут; не может поместиться Предвечная истина с лестью, коварством, обманом, пронырством и двоедушием, которое на языке мед, а в сердце желчь носит, которое словом мир обещает, а делом меч готовит... Оставляет Он такого, как лестного Иуду».

[2] О том, как нестерпима была для святителя лесть, повествует И. Ефимов, вспоминая следующий случай. Святитель «любил архимандрита Сампсона. По случаю приезда некогда в Задонск преосвященного Тихона 3-го для посещения друга своего, приехал с преосвященным и архимандрит оный, и будучи один у Тихона в келиях, между разговорами начал за богоугодную жизнь хвалить его в глаза, так что и прибавил к тому, что он прославлен быть может и по смерти нетленным телом, за что он на него, архимандрита, весьма оскорбился, до того, что счел его за предстоящего и говорящего в нем духа лукавого, и с тех пор вельми на него сетовал, ибо терпеть таковых хвалебных слов ни от кого не мог. Се живой пример глубокого смирения его! Внимая себе самому, он даже самые благие свои мысли рассматривал так тонко, как могут видимы быть на руках черты и линии, – о сем он всякому хотящему спастись с объяснением внушал». Из этого случая видно и противоядие льстивой похвале.

слушает: «иные слышащие осуждают того, о ком клевета носится; иные к тому же беззаконному делу возбуждаются, что слышат. Всему сему пагубному злу клеветник, рассеватель зла, виновен». «О, необузданный язык! Сколько тысяч делаешь зла!» – восклицает святитель. Невоздержанный язык клевещет, «рассеивает ереси, расколы, соблазны», злословит власти, лжесвидетельствует в судах, «немощных и печальных приводит в несносную печаль, уныние и отчаяние», нередко бывает причиной ссор, открывает секреты, а потому «часто и самого клевещущего приводит в великое раскаяние и печаль, что слово выпустил. Истинно Соломон писал: *иже хранит своя уста, соблюдает свою душу* (Притч. 13,3)». А поскольку «ничем так не грешит человек, как языком», который ничего «не оставляет, но на все отрыгает яд, который кроется в сердце человеческом», то «должно нам тщаться его обуздывать. Но тщание без помощи Божией мало что может», почему «должно смиренно молиться всемогущему Богу, чтобы как сердце исправил, так и язык – орудие сердца – направил»[3].

Причины, по которым осуждение и клевета являются грехом, святитель приводит следующие. «1. Бог запретил нам судить и осуждать ближних наших: потому кто осуждает, сам будет осужден (Мф. 7. 1-2). 2. Единь есть Судия – Христос, Сын Божий, посему осуждающие ближнего сан Христа похищают, что тяжко и страшно. 3. Ближний наш есть раб Божий, а не наш. Как убо досадно Богу, когда раба Его пред очесами Его судим и злословим! 4. Все грешники есмы пред Богом, общее бо всех окаянство. Ближний твой сегодня, а ты заутра тоеж делаешь, хотя не делом, так или словом, или мыслью. 5. Часто бывает, что многие являются пред нами грешными, но внутрь праведны суть: напротив того, многие праведными являются, но внутрь грешные суть. 6. Часто худой слух ложно приносится от злобных или завистливых, и так осуждаемый часто напрасно терпит. 7. Ближнему обида великая от того, не меньше, как бы от кого жезлом биен был. От сего уязвления печаль, от печали немощь, от немощи смерть. 8. Чем честнейшее и высшее есть лицо поносимое, тем большая бывает язва, а поношающему больший грех. 9. Когда начальник осуждается и злословится, тогда уменьшается к нему почтение, (чему последует) непослушание и всякое нестроение и замешательство в обществе. 10. Часто бывает, что хотя кто и подлинно согрешил, но уже и покаялся, а кающемуся Бог прощает: и ради того нам осуждать того весьма грешно, кого Бог прощает». Наконец, сами клеветники «часто в большее поношение впадают, когда замышляют ближних своих оклеветать и опорочить» (Пс. 7. 15-17), подобно Авессалому, Аману и др. «Внемлите сему, злоречивые, – оканчивает святитель свое увещание, – и свои пороки исправляйте, за которые истязаны будете, а чужих не касайтесь».

Святитель дает и практические советы, как избежать клеветы и осуждения. Должно «1) всякому на себя смотреть, себя знать, и не чужие, но свои пороки смотреть и очищать[4]; 2) злобу, зависть, ненависть отбросить; 3) беречись от разговоров непотребных; 4) удаляться сих от тех, которые привычку сию злую имеют; 5) брату падшему или падающему духом любви соболезновать и за него молиться милосердному Богу; 6) имеющим сию злую привычку молиться Господу: *положи, Господи, хранение устом моим* (Пс. 140, 3)[5]».

Закончить этот раздел можно словами святого Иоанна Златоуста, которые приводит святитель Тихон: «Хотя бы ты, осуждая ближнего, и праведное что на него говорил, однако из за то не избегнешь наказания: ибо не по делам его, но по словам твоим будет судить тебя Бог».

Если кто наговорит пред тобою на брата своего, уничижит его и покажет злобу на него, не склоняйся против него, чтоб не постигло тебя то, чего не желаешь.

Взыщем чести ближнего, не допуская умалиться ему во мнении нашем, когда его поносят, кто бы он не был: это сохранит нас от оклеветания...

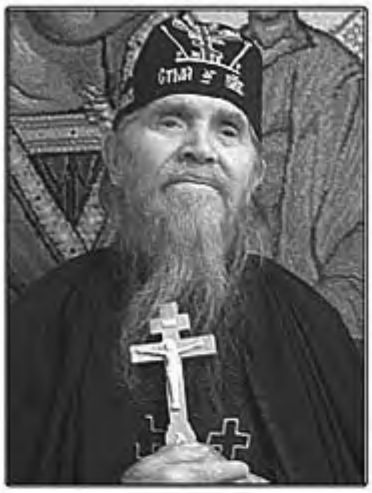
Преподобный авва Исаия

---

[3] Сам святитель старался всячески избегать поводов к осуждению и быть внимательным к себе, чтобы не впасть в этот грех или вовремя очистить свою совесть покаянием. Вот что об этом пишет его келейник И. Ефимов. «Когда по просьбе от помещиков или лицах купцов случалось преосвященному выезжать к ним в домы, то по возвращении в монастырь дня два или более все разговоры свои и даже самые мысли свои обдумывал он и, рассмотрев их, ежели замечал, что в чем ошибся или человек, а наипаче клонящемся к осуждению ближнего, приносил Господу Богу раскаяние. Чего ради иногда и многократно просящим его к себе в домы отказывал; нередко он говорил живущим при нем, что когда и для спасительных обстоятельств выйдешь из уединенного пребывания, то уже не тот возвратишься, каков был в уединении. Уединенное пребывание, – говаривал он, – духовное сокровище собирает, а отучка куда-либо расточает».

[4] Такое собственных грехов рассмотрение рождает смирение, и страх, и тщание о себе самом, и молитву к Богу, да не попустит чужих пороков изыскивать. Испытание о грехах чужих есть начало осуждения и клеветы. Ставшее же известным согрешение ближнего должно подвигнуть христианина не к осуждению, но к познанию своей немощи; не к уничижению его, но к опасению за себя и к исправлению себя.

[5] И. Ефимов свидетельствует, что святитель «строгие делал выговоры, когда о начальниках монастыря или братиях внушают что-либо клонящееся к осуждению. Сего он терпеть не мог, а всякого приучал внимать себе самому. Клеветников, как и злорадных ненавистников, отвращался. Он, без обиновения, всякому приезжающему и приходящему к нему, кто бы он ни был, хотя бы из самих благодетелей его, но исполнявшим его нужными вещами, если услышит в разговорах о осуждение относительно ближнего, справою учением делал выговор и от осудительных речей отвращал, и затворял таким уста, чтобы впредь никогда ни того не слыхивал».



Памяти сподвижников схиархимандрита Виталия (Сидоренко) посвящается

Удивительный старец иеросхимонах Алексий

Продолжение, начало см. в № 75

В начале 1960-х, при Хрущеве, наступила новая волна гонений – закрыли и Глинскую пустынь, и другие монастыри и храмы. В поисках убежища многие монахи уехали на Кавказ. Наконец и батюшка Мардарий[1] получил благословение своего сокровенного желания – на Кавказ, в пустыню. Это случилось в 1964 году.

«Приезжаю я в город Сухуми. А кто идет в пустыню, должен обязательно обращаться к отцу Серафиму (Романцову), – рассказывал батюшка. – Увидел я старца. Побеседовали мы, и он сказал:

– Ну, хорошо. Вот там в горах живут отцы Кассиан, Меркурий, Ахилла, Виталий и прочие. Направляю тебя к Кассиану – он там главный – чтоб они тебя приняли...

А там – целое братство, все они жили недалеко друг от друга. Отец Виталий тоже там жил. Ему сказали: "Виталий, Мардарий приехал". И вот мы с ним увиделись... Радости-то было!.. Он упал мне в ноги. Я:

– Что ты, что ты, отец Виталий?!

– Вот, Мардарий... сколько лет не виделись мы с тобой...

Говорю:

– Отец Виталий, дорогой, Лавру нашу закрыли, я теперь на постоянно сюда приехал. Есть благословение здесь жить. Батюшка Серафим благословил.

– О, хорошо, хорошо!

И я сразу пошел на уединение. Когда еще в монастыре жил, такие помыслы были, думаю: "Вот если бы закрыли монастырь (прости, Господи, я допускал такие помыслы)... я бы сейчас же – на Кавказ, в горы, на уединение". Я читал Добротолюбие несколько раз. И там я начитался про безмолвие.

Когда пришел в пустыню, братья меня встретили, обрадовались – думали, что я с ними буду жить[2]. Но я сказал, что желаю одиночества. Мне было благословение на уединение – по преподобному Иоанну Лествичнику, т.к. в монастыре мое послушание закончилось.

– Ну ладно, ладно, есть у нас келья для тебя пустая, мы тебя отведем туда. А когда нужно будет поисповедаться, литургию послужить, мы за тобою придем, – решили братья.

– Хорошо, я не против.

Но это в летнее время хорошо по горам ходить – тепло, а зимой-то, конечно, по горам не пройдешь».

Батюшка поселился за озером Амткел, как он говорил, «в тупике». Его келия находилась на высоте около 1500 м над уровнем моря, в труднодоступном месте. Нелегко было добираться туда. Вот как сам батюшка описывал опасности, с которыми приходилось сталкиваться при ходьбе: «Там кругом пропасти, скалы. Если оборвёшься – костей не соберёшь!.. Трясешься [т.е. трясутся все мышцы от напряжения], лезешь – что ты!.. Бывает, что на коленях ползешь – стоять в рост нельзя: под 70-80 градусов подъем. Ну, как на стенку! А назад боишься оглянуться: голова может закружиться. Так метров 100 подъем, а потом уже немножко проще. Так и до кельи добираешься. Мы веревки капроновые брали с собой метров по 50. И вот натянем её, и по веревке забираемся – так было безопаснее. А от той веревки – еще веревку...»

Путь до келии был долгий. Если даже батюшка выходил на рассвете и шел весь световой день, то ночь все равно заставала в пути, поэтому чаще всего приходилось ночевать в братской келии и только на следующий день продолжать путь дальше.

Братья иногда забирали о. Мардария в церковь. Совершали всенощные, литургии – всё по Уставу. Отец Виталий разбирался в пении, знал устав, поэтому был за псаломщика. Все, кто мог, пели, а о. Мардарий служил. «Церковь была простенькая, но благодать какая!..» – вспоминал батюшка.

Подвизаясь пустынным подвигом, братия постоянно имели старческое окормление. Все свои духовные нужды они решали с духовником Глинской пустыни о. Серафимом (Романцовым), который к тому времени постоянно жил в Сухуми и служил в соборе. «Отец Серафим благословлял нас спускаться к нему в Сухуми, если у нас случалось какое-то недоумение, – вспоминали братья. – Он нас принимает, утешает, а потом: "Бог благословит, теперь идите в пустыньку"...»

Отец Мардарий – иеросхимонах Алексий – очень любил пустыню. В последние годы жизни он часто вспоминал время своего пустынножительства:

«Пойду, бывало, в лесочек возле кельи, – вспоминал батюшка, – дровишек поднесу, и в это время Иисусову молитву читаю и духовно наслаждаюсь. Тишина кругом. Но приходилось и по келье что-то поделать, подремонтировать. А в праздник – никаких дел. В праздники всю ночь я бодрствовал. С вечера на молитву становился, всё по уставу. Книги у меня были. Вечерню и утреню совершу... В пять часов становился и до девяти вечера. В девять часов

[1] Для большинства людей о. Алексий известен как иеромонах Мардарий, т.к. схиму он принял незадолго до своей кончины (*прим. ред.*).

[2] Незадолго до закрытия монастыря о. Мардарий был рукоположен во иеромонаха, а в пустыни в то время братия нуждались в священнослужителе (*прим. ред.*).

ужинаю, по графику. И всё – дальше надо ложиться, а в час ночи – вставать. Первый сон пройдёт – встаю. Я даже часов не имел: четыре часа сна – и просыпаюсь.

Помню, о. Аввакум говорил: "Вот ты какой, тебе и будильник не нужен". Как-то раз приходит он ко мне и говорит:

– Если я возле кельи твоей поселюсь, не плохо будет?

Я ему:

– Думаю, что не плохо, с братом хорошо.

Ну и начали жить рядышком.

Однажды он говорит:

– Как бы нам ночью молиться? Днем-то я читаю много: Евангелие, Псалтирь, остальное монашеское правило. А ночью меня сильно сон берёт. Просплю и скорблю. До пяти, до шести утра просплю и скорблю.

– Что ты хочешь, о. Аввакум?

– Давай вдвоем сходиться ночью на молитву. Приходи ко мне в два часа ночи.

– Хорошо.

Он недалеко жил – тропа минут двадцать ходьбы. Я там ночью ходил даже без фонарика. И он рад. А мне, что своя келья, что его – какая разница. Вот мы сойдемся, и всё... Утренние молитвы... лампадочка горит. Он сам начитанный, все знает, даже когда лампадку тушить надо. Она отвлекает ум. Я считал, что надо глаза закрывать, но глаза закрывать – сон нападает. А чтобы вообще темнота была, он говорил: "А теперь, о. Мардарий, лампадку мы тушим и давай становиться на Иисусову молитву". "Я, – говорит, – сейчас сотню прочитаю, молча, без звука, умом и сердцем только, и ты так твори". Я говорю: "Хорошо, у меня это тоже идет". А в конце сотни мы произносили вслух: "Молитвами святых отец наших..." Это значит, что сотня закончена, переходим на вторую. В начале сотни читаем три молитвы вслух, а потом всё молча. Садимся, и так идет время молитвенного делания. Так немного разгоняется сон. "А если один – никак", – говорил о. Аввакум. Он кончит свою сотницу – начинаю я, и так попеременно. Так умно-сердечная молитва шла у нас и продолжалась до утра. С двух ночи до семи утра. Сидя восновном, но можно иногда стоя, если сон сильно нападал. о. Аввакум очень довольный был. "Ну, – говорит, – о. Мардарий, ты теперь свободный, ты теперь можешь в свою келью идти". Он у себя потом молился, а я – у себя... Утешился он. "Хорошо, – говорит, – у меня теперь сна ночью нет, а то я как проспию, такая скорбь, такое уныние нападет".

«А у меня, – говорил батюшка, – такого не было: в час ночи встаю хоть летом, хоть зимой. Выхожу

в сарайчик, там прохладно, руки снегом потру, лицо потру, чтобы сон отогнать – так святые отцы делали. И потом захожу в келью, вслух начинаю Иисусову молитву петь. Василий Великий пишет, что вслух можно. И так – пока отойдет сон. А потом уже тихо, безмолвно молюсь, т.к. звук нарушает внимание: что-то услышишь и отвлекаешься. А ведь у меня там как было: месяцами звука не слышишь. Всенощную молишься умом [батюшка наизусть много знал], остальное – по книгам. Но в основном умом. Думаешь: "Когда же разговор услышу?" Однажды заговорил – даже перепугался, свой голос услышал».

Утром батюшка обычно растапливал печку, варил кушать. Это как «развлечение» [т.е. ободрение от сна]: сон отходит, ведь ночь не спал. Покушал. После обеда, а обедал батюшка в часдня, делал так, как пишет преподобный Исаак Сирин: или за книгу садись читать, или иное что-либо делай. Шел влес порубить дровишек, чтобы к пяти часам уже становиться на вечернюю службу. И чтобы за это время и отдохнуть, и почитать книгу.

«Я уже вижу по времени, что хватит трудиться физически, пора отдохнуть, и бросаю... около трех дня уже, иду ложусь... а сон – как после Пасхиночной [после ночи пасхальной]: как упадешь – мгновенно "отключишься"... Проснулся – ага, пол четвертого. Еще пол тора часа можно почитать. Беру книгу, а сон уже отошел. Сон, его надо перебить, и он отходит: пришел-ушел. Берусь за книгу – книжку почитал. Я любил читать, ох как любил. Библию два раза прочитал! Серафим Саровский говорил, что кто прочитает в своей жизни два раза Библию, то получит благодать такую особую – умиления... уныние не будет давить.

А тут уже время – пять часов. Я имел карманные часики, братья дали (будильника я не имел, потому что он мне не нужен был, мешал). В пять часов на вечерню становился. У меня были открыты Минеи, Следовательная Псалтирь... "Благослови душе моя Господа" я – наизусть, а "Господи, воззвах"... там уже стихиры, надо с Минеи брать. А стихиры ведь – они такие внимательные, такие умилительные [в них заложен такой смысл, такая глубина духовная, что все внимание – там]... Думаю: "Боже, какая это сила, какая благодать!.." Прочитывал умом. Боялся петь. Вообще пение у меня "выключалось". Потому что умно-сердечная молитва не поется, а читается – пение отвлекает. И тогда я про себя – умом... Стану на коленочки, книги предо мною на коечке, и про себя стихирки... потом – дальше, дальше: вечерня, утреня...

Келья маленькая у меня была. Я на коечку кладу подушку, покрываю ее чистым платком и на неё – книги, и так вычитываю. Келья была два на полтора метра, ни стола, ни стула – ничего не было. А когда кушаю, на койку сяду, кашицу – на коленочки,

Никакого столика. У других братьев кельи побольше были...»

Ночью батюшка молился, а днем работал – то по келье, то читал, то отдыхал. Но про сон батюшка говорил, что «нельзя сразу лечь и как свинья уснуть», – нужно, чтобы все было с памятью Божией, нужно что-нибудь почитать перед тем, как уснешь.

Батюшкина жизнь была вся посвящена молитвенному деланию: «Правило читаю, каноны вычитываю, Псалтирь по кафизме, помянник... Ой, у меня столько помянников было! Как я любил поминать! Обычно, когда люди дают записки – какое-то время почитал, и можно жечь. А не могу. Я хоть раз в месяц, но всех помяну. Около двух часов читал я помянники за упокой и за здравие: "Ну, как я оставлю? Как сожгу? Имена сожгу? Душеньки ведь..."»

Батюшка, живя в пустыни, практически не знал, что такое уныние. Если и случалось унывать, то «немножко», и вот по какому поводу: «Я немножко унывал зимой, когда снега выпадало много. Пока покидаю снег – уже сил нет правило выполнить. Сижу, ноги трусятся, руки трясутся, голова болит. Как лягу – и не помню, как заснул. А правило же... Думаю: "Господи, значит так Тебе угодно". Я же не рад, что снег так идет...

А, бывало, с гор лавина сойдет. Сидишь в келье и вдруг слышишь – шум, гул... "Господи, лавина пошла!" Келью как будто прижала. Прошла, а я смотрю: окна забиты, сараи забиты, дверь открыть из кельи не могу – забило снегом. Господи, помилуй!.. Думаю: "Ну, всё!.." Что делать? Хорошо чурки большие среди дров были. Думаю: "Пока снег рыхлый, буду пытаться что-то делать". Беру чурку, и этим поленом в дверь – бух! бух! Она чуть-чуть поддается... О, двигается! На четверть еще!..[3] Еле боком вылез. И давай кидать, кидать от двери этот снег!.. Так раза два в год бывает.

А если нет лавины – просто идет снег – это тоже опасно. Снег всё кругом заваливает, стена может не выдержать[4] или крыша упасть. Тогда – конец, считай, пропало. Поэтому работать приходилось по многу часов в сутки – только давай откидывай снег, чтобы сколько-то метров откоса [от склона горы до стены] было, чтобы давления на келью не было. Вот так зимою. И это меня немножко в уныние приводило. Думаю: "Что ж такое, Господи? Я думал, что тут буду молиться, а тут что-то не то выходит". Но зато летом, когда снег потает, тогда уже никаких проблем... А зимою кидаю, кидаю... Но бывало, прекратится снегопад – милость Божия. А там, смотрю – оттепель: начал таять снег. "Ну, – думаю, – слава Богу, теперь откидывать нет нужды". Тогда – опять за свое правило...»

Батюшка подвиги свои скрывал. Но братья, приходившие иногда посетить старца, не могли не заметить его строгой жизни. Как впоследствии рассказывал один пустынник: «Живя на озере, о. Мардарий никогда не пёк себе хлеб, пользовался сухарями, которые иногда ему приносили. Но в основном он заваривал просто муку в кастрюле и так ложкой кушал этот "кисель" вместо хлеба, который был сине-серого цвета. Мы оценили этот подвиг, потому что когда, случается, нет хлеба, то чтобы ты ни ел, какую бы густую кашу или еще что-нибудь, через два-три часа тебе снова хочется что-то скушать. А о. Мардарий нес такой подвиг довольно длительное время, много лет. В основном он кушал гречневую кашу. Самой большой "роскошью" и "утешением" для него была селёдка, которая покупалась осенью, резалась на кусочки, раскладывалась в бидон и заливалась растительным маслом. Если осень была тёплая, то эта рыба скоро приобретала характерный "душок" протухшей селёдки. Но о. Мардарий все равно употреблял её в течение нескольких месяцев – по праздникам. Положит несколько ложек гречневой каши в мисочку, туда же – кусочек селедки. Это была для него праздничная трапеза. Чай он не пил, в основном пил теплую или холодную воду с сахаром или медом, который ему иногда тоже приносили. Ни борща, ни супа, ни тем более каких-то салатов-винегретов или других блюд у него не было – только каша, селёдка и мёд. Это было его утешение и подкрепление в течение многих и многих лет».

Когда оставалась одна крупа, батюшка добавлял в кашу какую-нибудь съедобную траву – в основном крапиву. Воду набирал из источника, что был рядом. Зимой топил снег и на нём готовил себе еду.

Как-то привезли батюшке из Краснодара чай. «Ну, – думает батюшка, – придут гости, угощу их и сам попью, попробую». Но гостей долгое время не было, поэтому решил попробовать сам – говорили, что чай дает бодрость. Попил. И... пропала молитва. «Нет, – решил батюшка, – такая "бодрость" мне не нужна...»

Несмотря на суровые условия жизни, о. Мардарий очень любил свое уединение. Как часто вспоминал он впоследствии: «Никуда не хотелось выходить. Уединение любил!.. Месяц никого нет, второй... А зимой вообще никого. Святые Дары есть. Думаю: заболею – и ладно... причащусь, и – "в руце Твои, Господи, Иисусе Христе, Боже мой, предаю дух мой..."»

Но Господь хранил батюшку. Ведь он уже тогда являлся утешением для многих приходящих душ.

«Помню, – рассказывает один пустынник, – когда мы приходили

---

[3] «На четверть» – примерно на 25 см (*прим. ред.*).

[4] «Стена может не выдержать» потому, что келья стоит не на ровном месте, а на крутом склоне, и если не откидывать снег со стороны склона, то спрессовавшаяся снежная масса может покосить или даже совсем разрушить келью (*прим. ред.*).

к батюшке перед праздниками на службу – читали вечерню, утреню. Потом, утром – часы, обедницу. Исповедовались, причащались запасными Дарами, которые у него всегда хранились. А после службы задавали ему вопросы. Однажды мы спросили о плодах безмолвия. И батюшка так живо, подняв руки к небу, ответил нам: "Вот когда сидишь в келии и никого не видишь, и никого не слышишь, а только одно ощущаешь – рядом с тобой Господь... И вот, вот, вот...– Он рядом... ты Его чувствуешь, только не видишь..." Говорил он это так впечатлительно, так живо, так радостно, что хотелось быть монахом и жить по-монашески, хотя мы в то время были еще юными и не решились пока принимать монашество. А эта его тихость, его кротость, его простота очень благотворно действовали на начинающих – будущих монахов...»

Другой пустынножитель также вспоминал о том времени своего общения с батюшкой: «Как благодатно, как приятно было исповедываться у о. Мардария! Он был не как отец, а как мать. Он утешал душу скорбящую, болящую, унывающую...»

Около сорока лет батюшка подвизался в пустыни в горах Кавказа и всё оставшееся время земной жизни вспоминал: «Моя пустынечка, ох, моя пустынечка», – ему всегда её так не хватало. Он жил строго по Евангелию и по заветам святых отцов. Его убеждением было, что главным для пустынника всегда были и будут оставаться молитва, послушание и любовь к ближним.

Беседы инока с наставником

ИНОЧЕСКИЕ БЕСЕДЫ

Часть 3

ОБ ОТЧАЯНИИ И ПОКАЯНИИ

«Слезы мои были для меня хлебом день и ночь, когда говорили мне на всякий день: где Бог твой»
Пс. 41, 4

Вопрос: *Вижу, Царства Небесного я недостоин. Осталось одно: думать, мое место в аду и благодарить Бога...*

Ответ: Что место в аду — это некоторая фантазия. Пока мы только реальные претенденты туда. А благодарить Бога надо и в таком случае, как достойно приемлющие по своим делам. На все мы давали наше личное, свободное произволение. Оно предваряло все наши злые дела, соглашалось на них. Такое осознание достойности ада очень важно как смиренное признание перед Богом своей вины во грехах. Из него рождается настоящее глубокое покаяние. Только чтобы при этом у нас не было подспудного ропота, нехороших чувств дурных: обиды, саможаления... А для этого мы должны иметь какой-нибудь помогающий нам помысел о праведности судов Божиих. Как, например, говорил себе один отец: «Если попаду в ад, то по крайней мере не буду портить своим уродством настроения святым в Раю» (ср. Мф. 14, 30). Вся наша духовная жизнь тогда выправится в таком покаянном свете. Лишь бы мы не отчаивались в милосердии Божием, а поплакались к Нему о себе. Господь — наш Спаситель. Не будем бояться «чистосердечного признания» личной вины в грехах, повинимся перед Ним. Он обязательно простит!

Вопрос: *Обычно настраиваешь себя на лучшее. Но один раз решил сменить «пластинку» и отбросил эти «человеческие уговоры», а оставил одни помыслы уныния, будто бы они правы. То есть, что все безнадежно и бесполезно. И без человеческих самоуговоров впал в отчаяние. Все вокруг стало злым и жестоким. Из сердца как радиация полилась ненависть. Тогда я испугался такому изменению в душе и решил, что лучше слабая надежда, чем сильное озлобление.*

Ответ: Мне кажется, что вместе с водой ты выплеснул и младенца. С самоуговорами отверг и веру в милосердие Спасителя, самое главное. Так без Бога и светлые Ангелы становятся мрачными демонами. Обрати внимание, если душа наша оказывается в смятении, тягости, изнеможении, то, следовательно, мы что-то мыслим, чувствуем или желаем неправильно.

Вопрос: *То есть узнавать помысел по плодам. Бывает, вроде бы все правильно, но чувствуешь, как наваливается какая-то тяжесть и уныние на сердце.*

Ответ: Даже от зрения своих грехов можно отчаяться. Отец Мардарий (в схиме Алексий) рассказывал про одну артистку, которая обратилась к вере, а потом стала биться головой о камень от осознания своих прежних грехов. Здесь получился «перегиб», враг сработал. Господь дает Себя видеть частично, сколько мы можем понести. А если в душе ощущаешь чрезмерное отягощение, убивающее душу, то надо искать ошибку: в чем мы неправильно мыслим, чувствуем или желаем. Более конкретно обсудить состояние духовное с опытными людьми. Или, в крайнем случае, помолиться: «Господи, не допусти мне впасть в этот омут отчаяния!» Воззвать вместе с апостолом Петром: *«Господи, спаси мя, утопаю!»* (Ср. Мф. 14, 30).

Вопрос: *Но если и без моей явной вины, после внимательной молитвы приходят скорбные, тягостные состояния, не есть ли это ответ на молитву свыше. Как попущение брани для нашего «воспитания»?*

Ответ: Святой Марк Подвижник пишет, что покаяние — это непрестанная молитва, хранение ума от помыслов и терпение приходящих скорбей (слово 3 «О покаянии»). И даже волнение страстей — это те же самые скорби. Помню, жил отдельно от братии в уединенной келии. Так там практически каждую неделю восставала какая-либо страсть. То сон навалится, прямо глаз не открыть. Посплю норму, встану, пойду на улицу и так и эдак... Не могу! Потом чревоугодие, никак не дождусь определенного времени... Затем пошли блудные наваждения... В общем, воевали по очереди все страсти. Но это нам полезно. Душа входит в подвиг, борьбу против плоти, мира и диавола. Идет закономерный процесс духовной жизни. Когда сосна на высоком утесе часто клонится бурными ветрами, то она вынуждена пускать глубокие корни. Так и душа укореняется в добре, в противостоянии ветрам страстей. Но иногда мы сами что-то упускаем по неопытности. Идет, например, охотник с ружьем по лесу и видит зайца. А в это время медведь подкрадывается сзади и нападает на него.

Вопрос: *Сейчас у меня условия крайне благоприятны, никто не мешает молиться. Почему же не получается вполне отрешиться от всего и через молитву соединиться с Богом?*

Ответ: Потому что у нас нет глубокого покаянного духа. А чтобы мы его стяжали, Господь и открывает нам, что мы есть на самом деле. Пускай внешняя обстановка благоприятная, обвинить в своих бедах некого и нечего, а душа мертва. Смотря на свой труп, мы должны начать его оплакивать. И никого при этом не уничижать, никого не осуждать и не презирать. Видя любого человека, доводить себя до чувства, что я хуже всякого грешника. Тогда мы смиримся и обретем ту самую Евангельскую нищету духа. От осознания своего окаянства и милости Божией к нам грешным придем в глубокий покаянный плач. Сначала сердечный, а потом и внешний. Однако к внешним слезам стремиться не нужно — появляется тщеславие, и в этом болоте заводятся «крокодилы». Надо довести сердце до ощущения своего окаянства, непотребства и негожества, и до чувства благодарности Господу. Что Он столь милостиво продлевает нашу жизнь и всем потребным обезпечивает тело с душою, за все Его благодеяния.

Вопрос: *Вот тут-то и получается «замкнутый круг». Нахожусь в окаменении сердечном и должен сердечно его же оплакивать. Как мертвец может плакать?*

Ответ: Нужно помнить, что Господь хочет дать нам больше, нежели мы можем принять (ср. Мф. 5, 3). И чистую молитву, и покаянные слезы, и сокрушение сердца. Но мы не способны употребить эти дары во спасение. Мучаясь окамененным нечувствием, мы должны направлять эту болезненность внутрь сердца и выдавливать оттуда всю гадость страстей. Особенно нам мешают самодовольство и уничижение других. Замечал может, чуть появилось умиление, тут же приходят помыслы: я уже почти муж слез, кто бы зашел в мою келью — весьма подивился бы моей святости, остальным-то (прочим) далековато еще до меня. Начинается «звездная» болезнь, и сразу все теряем. Следующий момент. Посмотреть, в чем мы поступаем не по совести. Не получая большего, мы где-то проявили неверность в малом. Или нарушаем благословение старца, или какую-либо из заповедей, или ленимся... Постараемся хранить нашу совесть до мелочей. Шероховатости всегда будут, но насколько можем, исправим текущие ошибки. И тогда чистая совесть даст нам дерзновение в молитве. Дерзновение же введет душу в другое состояние. А в этом, более духовном состоянии, уже могут быть получены необходимые для спасения благодатные дары.

А пока, согласно свт. Игнатию, этот тягостный период пребывания в окамененном нечувствии воспитывает в нас сострадание и неосуждение, искореняет самодовольство, закладывает основание прочих добродетелей. Потому как, если же останутся в нас самодовольство с самомнением, то при самых высоких дарованиях низко упадем и разобьемся. Денница вон откуда ниспал. Как уже сказал, самодовольство и уничижение других необходимо в первую очередь сокрушать болезнованием от окамененного нечувствия сердца. От рассудочной скорби (постепенно) переходя к постоянной сердечной. Ведь одно дело, когда кто-то перед нами провинился и просто так говорит: ну не прав! И совсем другая цена, если при этом он сердечно мучается. Тут уже мы сами его уговариваем успокоиться. *«Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит»* (Пс. 50, 19).

Вопрос: *Из сказанного выходит, что когда прошу Господа помочь, помиловать и спасти, а остается окамененное нечувствие, то именно оно мне сейчас и нужно. А от какого-то более духовного состояния я возгоржусь и погибну?*

Ответ: Это окамененное нечувствие сердца и есть показатель нашей греховности, насколь-

ко мы падшие мертвые и никуда не годные. В жизни Георгия Затворника Задонского описан случай с ним, как он, будучи в затворе, испытывал крайне тягостное состояние. Дошел до того, что лежал на полу и ждал: наверно, за мое крайнее окаянство, нерадение, непотребство и расслабление меня сейчас земля поглотит. И когда он так смирился перед Богом, что достоин этого, достоин ада, только тогда его посетила любовь, какую и описать невозможно.

Мы должны смириться до зела. Старец Паисий Святогорец приводит пример с запуском ракеты: десять, девять... нуль и пуск! Нужно стереть свою самость до нуля, осудить себя до ада. Что совершенно справедливо, отчасти я его вкушаю и сейчас. Тогда только, аще Господь изволит, выйдем на духовную орбиту и получим там «небесные звездочки» на погоны.

Вопрос: *С годами в такой период слабеют силы и надежда. Как совсем не опустить руки?*

Ответ: Надо сказать вместе с благоразумным разбойником: «*И мы убо в правду, достойная бо по делом наю восприемлева*» (Лк. 23, 41), — достойно мне показывает Господь, что я есть на самом деле! «*Праведен Ты, Господи, и праведны суды Твои*», — по делам моим мне и здесь во времени, и даже там в вечности! Благодарная и смиренная душа получает милость и прощение от Бога. А неблагодарная — теряет и то, что имела раньше. Если мы от всего нашего сердца благодарим Господа и за горькую правду о себе, то Господь обязательно укрепит нас нести крест. А когда исходим только из одних своих слабых сил, что мы сами вылезем, выкарабкаемся, тогда получаем: ну попробуй, вылези...

Вопрос: *Вы доходчиво все объяснили. К сожалению, толку от меня никакого нет, хотя и в монашестве уже определенный срок.*

Ответ: Увидим это, осознаем свою полную духовную нищету. Не просто поймем одним умом, теоретически, отвлеченно, но глубоко ощутим в чувстве сердца. Что это действительно так и есть — мы безтолковые, никчемные и никуда не годные ни здесь, на земле, ни, тем более на небе — в Царствии Небесном. И будем надеяться на одну лишь милость к нам, падшим грешникам. «*Мытарь же издалече стоя и не хотяша очию возвести на небо, но бияша перси своя, глаголя: Боже, милостив буди мне грешному*» (Лк. 18, 13).

Святитель Феофан Затворник

ДУХОВНОЕ ОХЛАЖДЕНИЕ

«Охлаждению предшествует прилепление к чему-либо сердца, озабоченность чем, сетование и осуждение... недовольство и какое-нибудь угодье плоти... и мыслей рассеяние! Блюдитесь от сего, и охлаждений будет поменьше...»

«Когда ослабляется теплота духа, надо всяко хлопотать о восстановлении ее, со страхом и трепетом припадая к Богу. Все от Него. Уныние, скука, тягота духа и тела придут иногда, может быть, надолго. Не робеть надо и твердо стоять на своем, усердно исполняя принятые правила, и не ожидайте, чтоб на душе не было уже никакого вкуса. Вы и не ожидайте, чтоб на душе было всегда одинаково тепло и сладко. Так не бывает. Напротив, постоянно ждите нечаянных изменений. Когда придет вялость и отяжеление, думайте, что это вы – настоящая, как есть; сладость же духовную принимайте как незаслуженную милость».

«Усердно исполняя правило, трезвость ума и теплоту сердца храните. Последнюю, когда начнет утомляться, возгревать спешите, твердо ведая, что, коль скоро ее не станет, это значит, что большая половина пути к отступлению от Бога пройдена. Страх Божий есть хранитель и возбудитель внутренней теплоты. Но и смирение нужно, и терпение, и верность правилам, и паче всего трезвение. Внимайте себе, Господа ради. Тревожьте себя всячески, чтобы не заснуть или, задремавши, пробудиться».

«Чувствуете рассеяние мыслей: поберегитесь. Это очень опасно. Враг хочет загнать вас в какую-нибудь трущобу и там убить. Мысли блуждать начинают от утомления страха и охлаждения сердца. Охлаждение же сердца много имеет причин. Главная из них – самодовольство и самомнение. Вам это очень родни. Поостерегитесь и поспешите страх Божий восставить и душу разогреть. А то пойдет расти рассеяние и охлаждение. Враг жетуги есть, и начнет подбрасывать камушки – и набросает. Рассеянный походит на дом с раскрытыми окнами, без хозяина. Кто хочет, бросает туда камни и всякий сор. Возвратится хозяин и поражается множеством всякой дряни набросанной, так что жить нельзя, не очистивши всего. Так и душа, из рассеяния возвратившись к себе, находит в себе иногда много дряни – от приразившихся помыслов, оставивших следы и на сердце. Сиди и чистись. Но хорошо, как охотавоьмет; а то и так все останется. Вот и беда! Спаси вас, Господи, и помилуй».

65-летию победы в Великой Отечественной войне посвящается

За старцем не пропадешь

Рассказ

Летом 1941 года я жил в солнечной Евпатории в небольшом доме с ослепительно белыми известковыми стенами, который стоял на окраине города в обширном и ухоженном саду. Уже с месяц как шла война с Германией и никто из обитателей дома и соседей не предполагал, что она будет такой тяжелой, жестокой и затянется так надолго. Вечером, когда солнце садилось в море, уходя за кромку горизонта, со стороны Румынии в чистом темно-синем небе появлялись тяжелые немецкие самолеты, натужно и прерывисто гудя, они летели бомбить Севастополь. Зенитные батареи Евпатории, расположенные неподалеку от нас, оглушительно стреляли, ведя заградительный огонь всю ночь напролет и замолкая только под утро. Утром с моря тянул свежий бодрящий ветерок и я с ведром в руке выходил в сад, усыпанный яркими спелыми оранжевыми абрикосами вперемежку со стальными корявыми и закопченными осколками зенитных снарядов. Вкус этих абрикосов, сброшенных на землю пушечным грохотом, был необыкновенно нежный, сладкий, с чудным райским ароматом. И когда я сейчас беру в руки спелый оранжевый абрикос, его вкус и запах возвращает меня в тот дивный сад уже очень далекого 1941 года. От этих ежедневных немецких налетов и ночной зенитной канонады постепенно в душе появлялись тревога и смятение, как будто какая-то неведомая темная сила подвела меня к зияющей бездне и поставила на краю ее. И может быть, мною совершенно овладело бы тревожное тоскливое настроение, если бы не мой новый знакомый, живший по ту сторону садовой ограды, сложенной из желтого пористого ракушечника. Это был старый бородатый сапожник дядя Иван, к которому я носил чинить обувь. Я с ним познакомился еще весной, и мы, разговорившись, подружились, нашли много общих тем и стали доверительно относиться друг к другу, что по тем временам было редкостью. Особенно дядя Иван любил говорить о Боге. Был он верующим человеком и, держа насаженный на железную лапку старый ботинок и вколачивая гвозди в каблук, он как-то интересно и занимательно рассказывал мне жития святых, отрывки из Евангелия и о неведомой мне тихой монастырской жизни. Я в то время не был верующим, так как в нашей советской действительности было сделано все, чтобы изгнать Бога из жизни полностью. Мы жили, думали, говорили о чем угодно, но только не о Боге, потому что о Нем ничего не знали и даже не подозревали, что Он в самом деле где-то существует. Но за два последних месяца, когда я много узнал о Православии от старого сапожника, мое отношение к религии переменилось, и я каждый день с большим интересом и усердием читал толстую Библию, которую давал мне дядя Иван. А война тем временем разгоралась и до нас дошли слухи, что немцы выбросили в районе Джанкоя воздушный десант, и это было уже серьезно, так как до Джанкоя от нас на машине был всего день пути.

Хибарка дяди Ивана состояла из крохотной мастерской, кухни и комнаты. Вначале он принимал меня в мастерской, а потом позволил осмотреть и комнату, где стояла деревянная кровать, полка с книгами, а в углу за занавеской были иконы и медный литой крест. На стене закрытые простыней висели длинные черные одеяния. Как-то на день святых апостолов Петра и Павла, после чтения Библии и других священных книг, за чаепитием дядя Иван мне доверительно рассказал про себя, что до 1920 года был монахом в чине игумена и проживал в Бахчисарайском монастыре до прихода в Крым Красной армии. Красноармейцы монастырь разграбили, монахов разогнали, и ему пришлось скрываться с чужим паспортом одного умершего от сыпного тифа богомольца. Он ушел в Евпаторию, где его никто не знал и вот уже двадцать лет живет и сапожничает здесь, на окраине города. Я спросил его: останется ли он здесь, если сюда придут немцы. Он ответил, что оставаться здесь при немцах не намерен, а уйдет в Абхазию, где в горных лесных чащобах живут и спасаются старцы-пустынники, молящиеся за весь крещеный мир и за победу русского оружия над супостатом. По-настоящему дядю Ивана звали отец Панкратий, и было ему в то время лет под шестьдесят. Он был коренаст, еще крепок здоровьем и на грешный мир смотрел ярко-синими добрыми глазами из-под нависших густых пшеничных бровей. Я и сам понимал, что любыми путями надо уходить из Крыма на большую землю, иначе окажешься на оккупированной немцами территории со всеми вытекающими отсюда гибельными последствиями. В армию меня пока еще по возрасту не призывали, и мы с отцом Панкратием решили уходить в ближайшие дни. Покинуть Крым в это время можно было только морем, и я пошел в порт присматривать подходящий корабль, на котором можно было покинуть Евпаторию. Таким кораблем, на который нас согласились взять, была старая калоша — грузовой тихоход «Красногвардеец». До революции он назывался «Святой Питирим» и ходил из Одессы в Хайфу, перевозя богомольцев-паломников и разные колониальные товары. Это был довольно большой корабль с окрашенными черной краской бортами, загруженный в Николаеве зерном, на котором в трюмах сидели и лежали раненые красноармейцы и

множество семей беженцев-евреев. На палубе в деревянных загонах стояло стадо племенных коров, породистые лошади и овцы. Судно с этим грузом должно было идти в Новороссийск и стояло на рейде в Евпатории, дожидаясь ночной темноты, чтобы не подвергнуться днем атаке немецких пикирующих бомбардировщиков. Оно было совершенно беззащитно, если не считать стоящего на турели в носовой части спаренного пулемета «Максима».

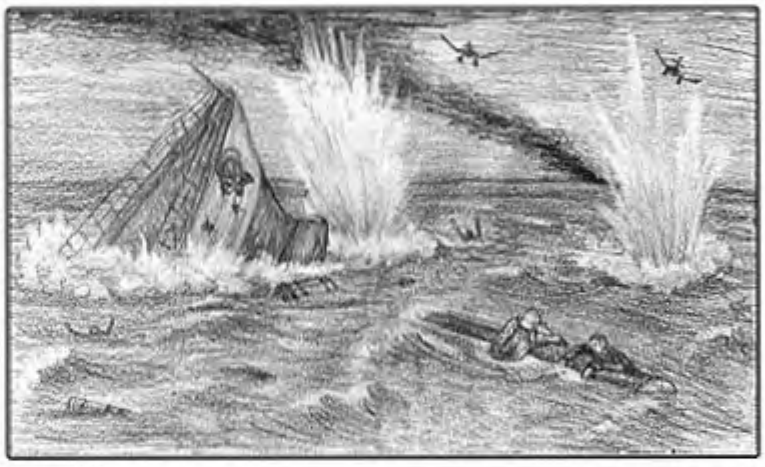
Договорившись со шкипером «Красногвардейца», сидевшим в прибрежном кабачке, я поспешил к отцу Панкратию, и он, долго не раздумывая, собрал заплечный мешок, куда положил обернутую клеенкой и заклеенную сапожным варом Библию, три иконы: Спасителя, Богородицы и архиепископа Мир Ликийских угодника Божия и чудотворца Николая. В мой мешок он положил хлеб, соль, огурцы и флягу с водой. Собравшись, отец Панкратий сотворил краткий молебен о в путь шествующих, сказав мне с горечью, что чувствует его душа, что добром это дело не кончится. «Кабы нас не утопил в море немец. Уж очень он там лютует. Но, впрочем, на все воля Божия».

На корабле на мачте был повешен белый с красным крестом флаг, а на палубе расстелена простыня, на которой во всю ширь также был намалеван красный крест. В начале войны мы были еще так наивны, что не думали, что враг будет так же жесток и немецкий летчик расстреляет корабль под красным крестом, однако время показало обратное.

Хмельной корабельный шкипер за провоз обязал нас с отцом Панкратием присматривать за скотом и поить его, поэтому нам пришлось все время оставаться на палубе на холодном ветру вместо того, чтобы спуститься в трюм и спать на теплом пшеничном зерне.

Когда стемнело, корабль отдал швартовы и взял курс на Новороссийск. Палуба его мелко вибрировала от стука паровой машины, из труб валил густой черный дым, который был виден на десятки миль кругом, и нам оставалось только полагаться на милость Божию, чтобы нас не пустила ко дну немецкая подводная лодка. Корабль шел без сигнальных огней, какими-то скачками переваливаясь с волны на волну. Лошади нетерпеливо стукали копытами по палубному настилу, коровы протяжно мычали, прося дойки, а овцы беспрерывно блеяли. Отец Панкратий, прижимаясь спиной к теплой дымовой трубе, все время творил Иисусову молитву, вытирая платком слезящиеся от ветра глаза. Он говорил мне: «Молись, молись, чтобы нас благополучно донесло до берега».

Но я постоянно был в каком-то напряжении ожидании беды и молиться не мог. Ночью ветер усилился, корабль стало изрядно качать на волнах, скорость его уменьшилась, и мы с отцом Панкратием поняли, что



до рассвета нам до Новороссийска не дойти. Из трюма по деревянной лестнице то и дело поднимались страдающие морской болезнью беженцы и, перегнувшись, долго и мучительно блевали за борт. Вся ночь прошла в болтанке с резким холодным ветром, несущим соленые брызги волн, и тревожным блеянием и мычанием скота.

Утром, когда рассвело, до Новороссийска было еще далеко, а в небе над морем появился немецкий разведывательный самолет «Рама». Это был противный самолет с двумя фюзеляжами, предвещавший нам беду. По палубе в сторону носовой части, топоча ногами, пробежали матросы, таща металлические коробки с пулеметными лентами. Машины заработали на полный ход, корпус корабля дрожал и сотрясался, из труб повалило столько дыма, что заволокло половину неба. Примерно через час из дыма выскочила пара немецких пикирующих бомбардировщиков «Юнкерс-88», сделав круг над кораблем, поочередно свалились на крыло, они пошли в атаку на корабль. Матросы, вращая на турели спаренный «Максим», беспрерывно строчили по самолетам. Первые бомбы взорвались рядом в воде, совершенно опустив нас. Корабль то и дело менял курс, виляя из стороны в сторону. Пройдя на бреющем полете, самолеты обстреляли из пушек палубу. Обезумевшие от страха животные, разломав перегородку, стали метаться по палубе. Некоторые лошади и коровы падали в открытые трюмы, сокрушая деревянные лестницы, и тем самым был отсечен выход беженцам на палубу. Вскоре бомбы угодили в носовую часть корабля, страшно разворотив ее, и в трюмы потоком стала поступать вода, отчего корабль начал носом быстро погружаться в море, как будто что-то невидимое тащило его в глубину. Вот он уже встал торчком задрав корму с бешено вращающимися винтами, и все, что было на палубе, посыпалось в море. Мы же с отцом Панкратием, как только первая бомба ударила в корабль, взявшись за руки, прыгнули за борт. Ухватившись за бревно от перегородки для скота, выброшенное в море взрывом, мы старались как можно дальше отплыть от гибнущего корабля. Из трюмов его до нас доносились страшные предсмертные вопли людей. И корабль наш быстро пошел ко дну, на последок издав какой-то странный, ни на что не похожий громкий звук. На поверхности с диким ревом плавал и бился скот, несколько человек из команды и всякие доски и обломки. Самолетов уже не было. Мы, оставив бревно, уцепились за подвернувшийся небольшой

пробковый плотик с лямками по краям, и волны нас быстро отнесли в сторону от места гибели корабля. Кругом были безкрайние морские просторы с перекатывающимися тяжелыми волнами. Отец Панкратий, держась за лямки, не переставая, взывал: «Святитель Христов Николае, спаси нас!» Он снял с плеч свой заветный мешок с иконами и Библией и, привязав его к лямке, устроил на середине плотика. Было пустынно, однообразно, но страха смерти не было из-за оглушенности происшедшим, вызвавшим душевную тупость и состояние обреченности, наверное, какое бывает у человека, когда его арестовали, осудили и ведут на казнь. От прохладной воды тело одеревенело и стало как чужое. Старец велел мне поглубже продеть лямки плотика под мышки и время от времени двигать конечностями и вертеть головой. Хотелось пить, но мешок свой я потерял в этой страшной суматохе на корабле. Старец же в отличие от меня был бодр, не унывал и все время творил молитву к святителю Николе, который помогает терпящим бедствие на водах, к Спасителю и Божией Матери. Время от времени он понуждал меня к разговору и заставлял двигаться. Море было безпокойно, и мы с плотиком постоянно перекатывались с волны на волну. От охлаждения и мерного укачивания меня сильно клонило ко сну, но старец не давал мне заснуть. Он гневно кричал на меня, ругал, и если я все же засыпал, он хлестал меня по щекам. В середине дня над нами пролетело несколько немецких самолетов. Один раз мимо нас с поднятым перископом прошла какая-то подводная лодка... В остальном было похоже на то, что мы были обречены. Но старец все время ободрял меня, говоря, что Бог по молитвам нашим не оставит нас погибать в пучине морской и через Николу чудотворца пошлет нам помощь и спасение. Он даже приготовил носовой платок, чтобы поднять его в руке для сигнала о помощи. К вечеру я совсем изнемог и находился в полуобморочном состоянии, постоянно засыпая. Но старец все еще держался молодцом, время от времени хриплым голосом призывая на помощь святителя Николая. Наконец, когда уже стало смеркаться, нас заметили с проходящего мимо военного корабля. Это был лидер-эсминец «Харьков» с бортовым номером 50. С него спустили на воду шлюпку и подобрали нас. На корабле фельдшер растер нас спиртом,

отогрел чаем и уложил на койки под теплые одеяла. Отец Панкратий поспешил мне сообщить, что цифра 50 по церковнославянским канонам соответствует букве «Н», то есть указывает, что спасение пришло от Николая Угодника. Я благодарно улыбнулся, перекрестился и уснул. Когда мы проснулись, корабль уже стоял у пирса в Новороссийске. Нам принесли по миске каши и по большой кружке горячего чая. По морскому обычаю в чае плавали белые сухари, сливочное масло и он был до черноты крепок и сладок. Одежда наша и мешок старца – все было высушено и принесено нам. Старец разорвал клеенку и достал совершенно сухую Библию. Раскрыв ее, он прочел приключения Ионы на море и во чреве китовом, а также бедствия на море апостола Павла из главы «Деяния апостолов».

Когда мы оделись и вышли на палубу, командир корабля поздравил нас со спасением и приказал выдать нам трехдневный сухой паек. Старец хотел подарить командиру икону Николы Чудотворца, для благополучия корабля и команды, но командир икону не взял. Может быть, потому, что время было такое, а может быть, потому, что к кораблю подъехал на машине адмирал Октябрьский. А жаль, как я позже узнал, немцы потопили этот славный боевой эсминец. Как только мы вышли на берег, начался налет немецкой авиации на порт. Особенно они кружили над эсминцем. Но не тут-то было. Это не то, что наш тихоход «Красногвардеец». Эсминец из скорострельных зенитных пушек открыл такой плотный огонь по немецким «Юнкерсам», что те сразу разлетелись в стороны и исчезли. Когда мы ступили на берег, старец упал на колени, припал лбом к земле и сказал: «Хороша ты, матушка земля — кормилица наша». Затем он прочел тропарь Николе Чудотворцу: «Правило веры и образ кротости, воздержания учителя яви тя стаду твоему яже вещей истина: сего ради стяжал еси смирением высокая, нищетою богатая, отче священноначальниче Николае, моли Христа Бога спастися душам нашим».

Благодарные слезы радости ползли по его щекам. Он вытер слезы, поправил на спине вещмешок, и мы поплелись по прибрежной дороге от Новороссийска к Туапсе, поближе к желанной Абхазии. Останавливались мы на ночь в станицах в хатах у русских людей, где старец, всхлипывая, рассказывал хозяевам, как мы тонули в Черном море и как были спасены заступлением Николы Чудотворца. Сердобольные казачки плакали, слушая старца, и не только кормили нас в доме, но давали еще на дорогу харч и деньги. В станице Новомихайловской, под Туапсе, старец купил бутылку кагора, стакан и тарелку. Из куска найденного палаточного брезента он соорудил себе епитрахиль и поручи. Ему не терпелось отслужить Божественную литургию и благодарственный молебен. Мы свернули с дороги в лес, и отец Панкратий, опустившись на колени около большого пня, с благоговением вынул из кисета, висевшего у него на шее, старинный антиминс и расстелил его на пеньке. Там же он поставил Библию, стакан,

тарелку и положил игуменский крест. Просфор у нас не было, и поэтому в ход пошел отличный пшеничный хлеб. Батюшка Панкратий одел епитрахиль, монашескую мантию, поручи и начал творить Великое таинство Евхаристии. Стакан сошел за потир, а тарелка за дискос. Все элементы Евхаристии были налицо: священник в облачении, антиминс, хлеб и вино. Батюшка, хотя сам в сталинских лагерях не сидел, но слышал, что духовные узники в камерах смертников совершали Божественную литургию у себя на груди.

Лето уже близилось к концу, птицы перестали петь, и в лесу было тихо и безлюдно, и старец, оглядевшись, торжественно провозгласил: «Благословенно Царство Отца, и Сына, и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь». И тихо и неспешно потекло Богослужение Православной литургии в условиях необычных и странных, но что было делать, если шла ужасная война, а в закрытых храмах царило безмолвие мерзости и запустения.

«Блаженни нищии духом, яко тех есть Царствие Небесное», — тихо выпевал старец, и голос его дрожал, и в нем слышались печальные отзвуки пережитого. Больше половины века прошло с тех пор, но я отчетливо помню умиленный дрожащий старческий голос и хождение с Евангелием после третьего антифона «Спаси ны, Сыне Божий, во святых дивен сый, поющия Ти: аллилуиа», и окружающий нас слегка шелестевший зеленой листвой лес под Туапсе, и батюшку, освещенного солнечными лучами со стаканом в руке, в котором было истинное Тело Христово и святая Кровь Его.

Мы с великим благоговением причастились, поздравили друг друга, и радостные, с легким сердцем пошли к Туапсе. В Туапсе мы с батюшкой расстались, мне надо было срочно возвращаться в Ленинград, хотя в те времена это было сделать нелегко. Батюшка благословил, обнял и поцеловал меня на прощание и обещал молиться за меня на новом месте в Абхазских лесах, потом передал мне на дорогу все деньги, которые собрали в станицах, еще раз взглянул на меня своими добрыми глазами, поправил котомку за плечами и неспешно пошел в сторону Абхазии. Я же из Туапсе доехал до Москвы, а потом окольными путями на попутных военных машинах и до Ленинграда, успев приехать туда еще до того, как сомкнулось кольцо блокады.

После, вспоминая свое трагическое плавание на «Красногвардейце», я думал: «Зачем немецким летчикам надо было пускать ко дну наш старый корабль под красным крестом, губить сотни жизней, ведь они знали, что на корабле не было войск, что войска тогда направлялись только в сторону Крыма?» И позже я понял, что это был национал-социализм в действии, для которого чужие жизни ничего не стоили.

В. Н. ЛЯЛИН.
«Будьте как дети»,
сборник душеполезного чтения
«БОЖЬИ ЗЕРНА»

Христианская поэзия

Заброшены родимые поля...
А помнишь, было радостное время,
Когда могучая, здоровая рука
На этих вот полях раскидывала семя.

Земля возделана. Какие сорняки?
И нет им места средь хлебов,
Молитвы Богу пели колоски
И в терниях не видели врагов.

Их трепетно луч солнечный ласкал,
Водою дождевою поливало небо,
А свежий ветерок дыханьем согревал,
И не могли вместить амбары хлеба.

Сейчас мне грустно. Брошены поля.
И заросли бурьяном без просвета,
Их вид уже не радует меня.
Неужто песенка хлебов пропета?

Не видят дети васильков во ржи,
Не разминают пальцами колосьев,
И теплый ветерок не трогает души,
А вид ее, как у осенних листьев.

Как тернии, там страсти и обман,
И тяга к роскоши и развлеченьям,
И в голове густой седой туман,
Любовь к земле ушла в забвенье.

А может, снова нам с полей начать?
Устал уж и без дела плуг лежать.
Увидим голубые васильки во ржи,
И Бог дыханием весны
коснется трепетной души.

* * *

Я жизнь, что мне дана, люблю,
Творца за все благодарю:
За дивный Свет в моей судьбе,
За все, дарованное мне:
За солнца утренний восход,
За шелест золотых берез,
За голубой взгляд василька
И за порханье мотылька.
За снег пушистый, за мороз,
За запах солнечных мимоз,
За колокольчик на лугу,
За то, что в храм ходить могу.
За чудный звон колоколов,
И в небе яркий блеск крестов.
За материнский добрый взгляд,
За осени златой наряд,
За внука первые шаги,
За разнотравье у реки,
И за корзиночку грудей,
За доброту родных, друзей.
За боль, за скорбь и за любовь,
За все, что промелькнуло прочь,
За все, что будет впереди, —
С Творцом не страшно мне в пути.

Т. Долгова, г. Петушки,
Владимирской обл.

СОМНЕНИЕ

В одной из константинопольских церквей только что окончилась литургия. Народ толпою двигался из дверей храма и точно разливался волнами по окрестным улицам. Среди других вышел из храма богато одетый юноша. Он медленно двигался по улице, видимо, погружённый в глубокую задумчивость. Слова старца священника, говорившего проповедь за литургией, сильно затронули его. Священник коснулся того, о чём недоумевал юноша, что сильно мучило его.

– Как апостол Пётр пошёл по морю навстречу Иисусу Христу, усомнился и стал тонуть, и Христос кротко обличил его за сомнение, так и для нас, братие, – вспоминаются юноше слова священника, – гибелен недостаток веры.

И целым рядом живых наглядных примеров доказывал проповедник свою мысль.

Священник говорил, что будь сильнее у нас вера, больше добрых дел совершили бы мы. Если бы, например, мы твёрдо верили, что милостыню, которую даём нищему, даём не ему, но Самому Христу, мы всегда творили бы милостыню.

– Я знаю, – думает юноша, – что Христос на небе, как же Он примет кусок хлеба, который я дам нищему? Неужели монету, которую я дам этому грязному нищему, я подам Христу?

Эта мысль показалась настолько странной юноше, что он пожал плечами, улыбнулся и... замер от ужаса.

Над головой калеки, с жалобной мольбой протягивавшего руку за подаянием, юноша увидел облик Христа.

Юноша оцепенел и остановился.

Из-под ворот соседнего дома выбежала босиком девочка, подбежала к нищему и подала ему ломоть хлеба. И юноша увидел, как незримый для всех других Спаситель простёр десницу, точно принимая хлеб, и благословил девочку. Сомнения исчезли у юноши.

Через день юноша стоял пред настоятелем монастыря. Я всё имущество отдам бедным, – говорил юноша, – прими, отче, меня в монастырь ходить за больными и убогими.

Н. П. Смоленский
«СВЕТ ВО ТЬМЕ СВЕТИТ»